

Дюма А.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
СОРОК ПЯТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРЕТЬЯ

Дюма. Собрание сочинений

Александр Дюма
**Сорок пять. Часть
вторая, третья**

«Алгоритм»

1847

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

Дюма А.

Сорок пять. Часть вторая, третья / А. Дюма —
«Алгоритм», 1847 — (Дюма. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02145-9

Александр Дюма (1802–1870) – знаменитый французский писатель, завоевавший любовь читателей историческими приключенческими романами. Литературное наследие Дюма огромно: кроме романов им написаны пьесы, воспоминания, путевые очерки, детские сказки и другие произведения самых различных жанров. В данный том Собрания сочинений вошло окончание романа «Сорок пять». Комментарии С. Валова.

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02145-9

© Дюма А., 1847
© Алгоритм, 1847

Содержание

Часть вторая	6
XLVI	6
XLVII	9
XLVIII	13
XLIX	17
L	21
LI	27
LII	32
LIII	39
LIV	43
LV	47
LVI	52
LVII	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Дюма

Сорок пять. Ч. 2, 3

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», комментарии, 2009

Часть вторая

XLVI

Аллея в три тысячи шагов

Королева жила в другом крыле замка, расположенном почти так же, как и то, откуда только что вышел Шико. С этой стороны всегда слышалась музыка, всегда виднелся какой-нибудь султан на шляпе. Знаменитая аллея в три тысячи шагов, о которой так много говорили, начиналась у самых окон Маргариты, и зрение ее останавливалось на предметах только приятных – цветниках, беседках и прочем.

Можно сказать, что несчастная королева старалась зрелищем этих предметов прогнать мрачные мысли, тревожившие ее дух. Один перигорский поэт (Маргарита в провинции, как и в Париже, была звездой поэтов) написал по этому случаю в своем сонете: «Она хочет постоянным развлечением своего ума прогнать печальные воспоминания».

Рожденная у подножия трона, дочь, сестра и жена короля, Маргарита в самом деле страдала. Ее философия, которую она старалась высказывать, была слабее философии короля наваррского – тот растил ее в глубине души. Несмотря на свою философию, Маргарита допустила, чтобы время и горести провели на ее лице резкие черты. Она все еще была замечательно хороша. Ее красота выигрывала теперь более благодаря выражению лица, которое не останавливает внимания в людях обыкновенных, но нравится у людей знаменитых, которым всегда с охотой приписывают физическое превосходство. У Маргариты была ласковая, приятная улыбка; глаза влажны и блестящи, движения ловки и грациозны, – да, она все еще заслуживала звания прекрасной.

В Нераке ее обожали: она привезла туда изящество, веселье, жизнь. Провинциалы понимали, на какую жертву идет парижская принцесса, с терпением перенося пребывание в провинции. Ее двор состоял не из одних дворян и придворных дам – весь народ любил ее как королеву и как женщину, и гармонические звуки ее флейты и скрипок были доступны всем. Она так умела распоряжаться временем, что каждый день приносил ей что-нибудь новое и ни один не был потерян для тех, кто ее окружал.

Ненавидя своих врагов, она выжидала случая, чтобы лучше отомстить им. Инстинктивно чувствуя намерения Генриха, прикрытые личиной беспечности и великодушия, без родных, без друзей, Маргарита привыкла жить любовью, может быть даже не истинной, и заменять семью, супруга и друзей поэзией и интригами.

Никто, кроме Екатерины Медичи, кроме Шико и нескольких меланхолических теней, если бы они могли возвратиться из мрачного царства, не мог сказать, отчего щеки Маргариты побледнели, какие неизвестные горести туманили ее глаза, отчего, наконец, это глубокое сердце стало пусто и эта пустота отражается в ее взгляде, прежде столь выразительном.

Маргарита не имела больше поверенных для своих тайн.

Бедная королева и не желала иметь их с того времени, как прежние продали за деньги ее доверие и честь. Она шла по жизненному пути одиноко, и это, может быть, удвоило в глазах наваррцев величие ее положения, которое только подчеркивало ее одиночество. Впрочем, сознание нерасположения к ней Генриха было в ней безотчетно и происходило, скорее, от ее собственного сознания своих поступков, потому что Беарнец не сделал в отношении нее ничего такого, что могло бы родить подобную уверенность. Генрих уважал в ней дочь Франции; если говорил с ней – то всегда чрезвычайно уклончиво и вежливо, изысканно и любезно; он был для нее скорее братом, чем супругом.

Итак, наваррский двор, при таких отношениях короля к королеве, производил впечатление организма чрезвычайно гармоничного и нравственно и физически. Эти размышления пробудились при виде неракского двора в Шико, одном из самых наблюдательных и пытливых людей того времени.

Он зашел прежде во дворец, но не нашел там никого. Ему сказали, что он может найти Маргариту в конце той прекрасной аллеи, что идет параллельно реке. И Шико отправился в эту прекрасную аллею, которая простиралась на три тысячи шагов. Пройдя две трети аллеи, он увидел в конце ее, среди жасминов, дрока и клематисов, блестящую группу – разноцветные банты, перья, шпаги... Все эти наряды, быть может не в последнем вкусе, а сделанные по устаревшей моде, в Нераке были ослепительны. Сам Шико, приехавший прямо из Парижа, казалось, нашел двор Маргариты удовлетворительным.

Маргарита, чьи взоры блуждали с обычным беспокойством меланхолических сердец, узнала пажа, предшествовавшего господину Шико, и позвала его:

– Кого тебе, д'Обиак?

Молодой человек, можно сказать ребенок, потому что ему было не более двенадцати лет, покраснел и преклонил колено перед Маргаритой. Шико неподвижно стоял шагах в двадцати от нее.

– Ваше величество, – произнес он по-французски, ибо королева изгнала провинциальное наречие из разговоров при дворе и в деловых сношениях, – один парижский дворянин, присланный из Лувра к его величеству королю наваррскому и направленный королем к вам, желает говорить с вашим величеством.

Прекрасное лицо Маргариты озарилось неожиданным огнем. Она обернулась с живостью и с тем тягостным чувством, которое при всяком случае проникает в сердца, давно уже разбитые. Ее зоркие глаза тотчас узнали знакомого – по виду и силуэту: Шико ясно обрисовывался на красноватом небе. Она покинула кружок, который собрался около нее, и пошла к Шико, вместо того чтобы пригласить его приблизиться. Обернувшись к оставшимся, чтобы проститься с ними, она сделала знак кончиками пальцев самому красивому дворянину, роскошнее других одетому. Прощаясь со всеми, она простилась только с одним. Но того, казалось, не успокоил этот прощальный знак. Маргарита заметила это.

– Господин Тюренн, потрудитесь сказать этим дамам, что я сию минуту возвращусь.

Красивый дворянин в белом камзоле поклонился просто, но не как равнодушный придворный. Королева быстро подошла к Шико, наблюдавшему за этой сценой, столь согласной с содержанием письма Генриха III.

– Господин Шико! – вскрикнула удивленная Маргарита.

– У ног вашего величества, – произнес Шико, – такой же доброй и прекрасной королевы в Нераке, как и в Париже.

– Каким чудом вы так далеко от Парижа?

– Извините, сударыня, но мысль совершить это чудо пришла, конечно, не бедному Шико.

– Я думала, – впрочем, все это говорили, – что вы умерли.

– Я сам распустил этот слух.

– С чем же вы к нам, господин Шико? Неужели я так счастлива, что во Франции еще не забыли о королеве наваррской?

– О сударыня, – Шико улыбался, – таких королев, как ваше величество, не забывают во Франции.

– Так в Париже люди все так же любезны?

– Король французский, – добавил Шико, не отвечая на вопрос Маргариты, – даже писал на этот счет королю наваррскому.

Маргарита покраснела:

– Писал?

– Да, ваше величество.

– И вы привезли это письмо?

– Не привез – по причинам, которые объяснит вам король наваррский, но выучил наизусть и повторил его величеству слово в слово.

– Понимаю: содержание письма было очень важным, и вы боялись его потерять или чтобы его не украли у вас?

– Точно так, ваше величество. И письмо было написано латынью.

– О, прекрасно! – воскликнула королева. – Я знаю по-латыни.

– А его величество, ваш супруг, знает этот язык?

– Любезный Шико, очень трудно судить, что знает и чего не знает король наваррский.

– А! – Шико был доволен, что не он один старается разгадать эту живую загадку.

– Если верить внешности, – продолжала Маргарита, – так он знает его дурно, потому что никогда не понимал или показывает, что не понимает, когда я говорю с кем-нибудь на этом языке.

Шико закусил губу.

– Ах, черт возьми! – пробормотал он себе под нос.

– Вы прочли ему это письмо?

– Оно было прислано ему.

– И он показал, что понял?

– Только два слова.

– Какие?

– Turennius и Margota.

– Turennius и Margota? – повторила Маргарита.

– Да. В письме есть эти два слова.

– Что же он?

– Послал меня к вам, государыня.

– Ко мне?

– Да. И сказал при этом, что письмо, вероятно, содержит вещи слишком важные, чтобы их доверить для перевода постороннему, и гораздо лучше, если переведете вы, прекраснейшая из ученых и ученейшая из прекрасных.

– Я готова выслушать вас, господин Шико, если таково повеление короля. – Маргарита слегка встревожилась.

– Угодно вашему величеству слушать меня здесь?

– Нет, не здесь – пойдемте в мой кабинет.

Маргарита пристально смотрела на Шико, который, из жалости скорее всего, открыл часть истины.

– Виконт, – обратилась она к Тюренну, – вашу руку! Господин Шико, идите впереди нас, прошу вас!

Бедная женщина чувствовала необходимость опоры, последнего взгляда любви, может быть, прежде чем подвергнуть себя испытанию, которое ей угрожало.

XLVII

Кабинет Маргариты

Мы описали аллею в три тысячи шагов и кабинет Генриха Наваррского, так что читатели не осудят нас, если мы опишем и кабинет Маргариты. Снаружи он имел множество потайных дверей, сообщавшихся с особыми или с проходными комнатами. Окна, молчаливые, как и двери, были снабжены ставнями, запиравшимися столь же бесшумно.

Внутри – модная мебель, ковры в последнем вкусе, картины, фаянс, дорогое оружие, греческие, латинские и французские книги, манускрипты на столах, птицы в клетках, собаки на коврах, наконец, целый мир зверей, птиц и растений: все это жило одной жизнью с Маргаритой.

Люди с возвышенной душой или избытком жизненных сил не могут пребывать одни: каждое свое чувство, каждое желание они сопровождают всем, что находится в гармонии с ними и что их притягивающая сила вовлекает в вихрь их существования, – в отличие от людей обыкновенных, они усиливают свои чувства и удваивают жизнь. Королева так умело управляла отпущенным ей временем, что из тысячи горестей умудрялась извлекать одну радость. Это отступление доказывает ясно как божий день необходимость описания кабинета Маргариты.

Шико пригласили сесть в красивое мягкое кресло, обитое шелком с вытканым амуrom, сыплющим груды цветов. Юный паж – не д'Обиак, но другой, гораздо богаче одетый и еще более привлекательной наружности, – предложил освежающего вина. Шико отказался и, когда виконт Тюрэнн ушел, стал излагать наизусть письмо короля Франции и Польши.

Мы читали письмо вместе с Шико, следовательно, бесполезно представлять его в латинском переводе. Шико коверкал и выговаривал слова самым чудным образом, чтобы королева дольше не могла понять содержания. Но, как ни искусно он изменял свое творение, Маргарита ловила смысл на лету и не скрывала негодования и гнева.

По мере чтения Шико все более испытывал затруднительное положение, созданное им для себя. В некоторых местах он опускал глаза, чтобы не видеть блеска глаз королевы и ее судорожных движений при таких откровенных обличениях ее супружеских преступлений.

Маргарита знала утонченное коварство брата – она имела так много случаев в нем убедиться. Эта женщина не обманывала себя – она понимала, сколько пищи доставила она его злобе. Вот почему по мере чтения в душе ее рождался справедливый гнев вместе с весьма обоснованным страхом за себя. Негодуя и не доверяя возникающим предположениям, необходимо было постараться избежать опасности, удалив ее причину, доказать несправедливость подозрений. Об этом размышляла Маргарита во время чтения.

Не надо думать, что Шико все время говорил опустив голову – он поднимал то один глаз, то другой и убедился – или догадался по нахмуренным бровям королевы: она на что-то решается. И потому он дочитал письмо короля довольно спокойно.

– Клянусь, – произнесла королева, когда Шико умолк, – братец прекрасно пишет латыни! Какая пылкость! Какой слог! Не ожидала от него таких познаний.

Шико поднял очи к небу и развел руками с видом человека, который соглашается из вежливости, но не понимает.

– Вы не поняли? – Королеве все языки, даже и язык мимики, были известны. – А я вас считала хорошим латинистом, господин Шико.

– Ваше величество, я все забыл. Что теперь осталось от моего знания, так вот только: латинский язык не имеет грамматического члена, имеет звательный падеж и «голова» в нем среднего рода.

– А, в самом деле! – вскричал кто-то, весело и шумно входя в комнату.

Шико и королева разом обернулись: то был король наваррский.

– Как, – Генрих приблизился, – «голова» по-латыни среднего рода, господин Шико? А почему же не мужского?

– Ах, государь, – отвечал Шико, – я удивляюсь этому не меньше вашего величества.

– И меня тоже, – призналась Маргарита в задумчивости, – это удивляет.

– Так и должно быть! – пошутил король. – Ведь голова может принадлежать и мужчине и женщине.

– Лучшего объяснения, государь, – Шико поклонился, – мне не приходилось еще слышать.

– Вот и хорошо! Приятно сознавать, что философствуешь глубже и правильнее, чем полагал. А теперь вернемся к письму. Итак, государыня, я сгораю от нетерпения узнать новости французского двора. Не привези их господин Шико на неизвестном мне языке, тогда...

– Тогда... – повторила Маргарита.

– Тогда мне уже было бы очень весело! Вы знаете, как я люблю новости, и в особенности скандальные, – их так искусно умеет рассказывать Генрих Валуа. – И Генрих Наваррский сел, потирая руки. – Ну, любезный Шико, – продолжал он, будто заранее приготовясь хохотать, – вы прочли это письмо моей жене?

– Я исполнил ваше повеление!

– Итак, мой друг, скажите, что содержит это письмо?

– Не боитесь ли вы, государь, – сказал Шико, успокоенный несколько свободой, пример которой показывали коронованные супруги, – что латинский язык, на котором написано послание, предвещает дурное?

– Э, отчего же? – И король обратился к жене: – Что же, сударыня?

Маргарита подумала с минуту, как будто припоминая письмо.

– Наш посол прав, государь, – подтвердила она решительно, – латинский язык – дурное предсказание.

– Как! – произнес Генрих. – Это прекрасное письмо заключает дурные предсказания? Берегитесь, мой друг! Король, брат ваш, хорошо знает этот язык и очень вежлив.

– Даже если приказывает оскорблять меня в моих носилках, как это случилось за несколько лье от Санса, когда я поехала из Парижа к вам, государь?

– Если брат строгих правил, – начал Генрих полусерьезным, полушутливым тоном, – если брат-король сварлив, то...

– Он должен быть таким для истинной чести своей сестры и семейства? Не думаю. Неужели, государь, если бы сестра ваша, Екатерина д'Альбре¹, была жертвой какой-нибудь сплетни, вы приказали бы разузнать, в чем дело, капитану вашей гвардии?

– О, я человек патриархальный и снисходительный, я не король или если и король, так только для смеха. Я и смеюсь. Но наше письмо? Я хочу знать его содержание, потому что оно адресовано на мое имя.

– Это письмо вероломного человека, государь.

– О!..

– Да, оно содержит клевету, способную поссорить не только мужа с женой, но друга со всеми его друзьями.

– О! О!.. – Генрих выпрямился и изобразил на своем обыкновенно ясном, открытом лице выражение недоверчивости. – Поссорить мужа с женой? Не меня ли с вами?

– Вас со мною, государь!

– Каким образом, друг мой?

¹ *Екатерина д'Альбре* (Екатерина де Бурбон герцогиня де Бар; 1558–1604) – сестра Генриха IV. Была прекрасно образованна, знала много языков, любила музыку, поэзию, была тверда в своих религиозных убеждениях (протестантизм).

Шико был как на иголках – он дорого бы дал, хотя ему очень хотелось есть, чтобы уйти и лечь спать, пусть без ужина. «Буря разражается!» – шептал он про себя.

– Государь, – королева сохраняла спокойствие, – я очень жалею, что вы забыли латынь. Однако вы учились, кажется, этому языку.

– Из всей латыни я помню только эту фразу: «Deus et virtus aeterna»² – странное сочетание мужского, женского и среднего родов, чего мой учитель не мог никак объяснить без помощи греческого языка, а я его понимаю еще меньше, чем латинский.

– Государь, если вы поймете, то увидите, что письмо наполнено всевозможными комплиментами, относящимися ко мне.

– Очень хорошо, – одобрил король.

– Optime³, – добавил Шико.

– Но отчего же эти любезности могут поссорить меня с вами? Если в письме комплименты, то я одного мнения с братом Генрихом. Если же в этом письме говорится о вас дурно – тогда другое дело, и я понимаю политику моего брата.

– А если говорится обо мне дурно, то вы понимаете политику Генриха?

– Да, политику Генриха Валуа. Он имеет побудительные причины ссорить меня с вами.

– Все эти комплименты, государь, не что иное, как вкрадчивое вступление к клевете на ваших и моих друзей.

После этих смело произнесенных слов Маргарита готовилась выслушать возражение.

Шико совсем повесил нос. Генрих только плечами пожал.

– Подумайте хорошенько, так ли вы перевели и есть ли подобное намерение в письме вашего брата?

Как ни кротко прозвучали эти слова, Маргарита посмотрела на мужа недоверчиво.

– Выслушайте до конца, государь.

– Бог свидетель, я только этого и хочу.

– Посмотрим. Имеете вы надобность в слугах или нет?

– Имею ли я в них надобность, друг мой? Хороший вопрос! Что бы я стал без них делать?

– Так вот, король хочет разлучить вас с лучшими из ваших подданных.

– Не верится мне что-то...

– Браво, государь! – прошептал Шико.

– Э, конечно! – отвечал Генрих с тем изумительным простодушием, ему одному свойственным, перед которым до конца его жизни никто не мог устоять. – Те, кто у меня служит, привязаны ко мне не из выгоды, а по расположению. Мне нечего дать им.

– Вы отдали им свое сердце, государь, – это лучшая награда короля за расположение друзей.

– Да, мой друг. Итак?

– Итак, государь, не верьте им больше.

– Помилуй бог! Если они сами меня к тому принудят, но без этого...

– Хорошо, государь. Но если вам покажут их проступки?

– А! А как докажут и чем?

Шико снова опустил голову, как делал в затруднительные мгновения.

– Я не могу вам рассказать этого, государь, не подвергаясь позору... – И она посмотрела вокруг себя.

Шико понял, что стесняет королеву, и отступил назад.

² «Бог и добродетель весны» (лат.).

³ Превосходно (лат.).

– Любезный посол, – обратился к нему король, – потрудитесь подождать меня в моем кабинете. Королева хочет сказать мне что-то секретное – что-то касающееся моих подданных, как я полагаю.

Маргарита осталась почти неподвижна и только слегка кивнула головой. Видя, что супругам без него будет легче объясниться, Шико встал и оставил комнату, поклонившись сразу королю и королеве.

XLVIII

Примирение посредством перевода

Удалить очевидца, которого Маргарита считала гораздо более сведущим, чем он сам признавался, было победой или, скорее, залогом безопасности королевы. Маргарита, как мы сказали, считала Шико довольно ученым, а наедине с мужем она могла свободно менять смысл латинских слов, дополняя их примечаниями, которых не придумают все земные схоласты.

Итак, Генрих и его жена имели удовольствие остаться наедине. На лице короля не было ни тени беспокойства, никакого признака угрозы. Решительно король не знал латыни.

– Государь, – первой нарушила молчание Маргарита, – я жду ваших вопросов.

– Это письмо очень вас занимает, друг мой. Стоит ли из-за него тревожиться?

– Государь, это письмо должно было бы иметь следствием своим важные перемены: короли не посылают друг к другу послов без важных причин.

– Ах, оставим их – и послов и посольство, друг мой. Лучше скажите: не предполагаете ли вы устроить сегодня вечером что-нибудь вроде бала?

– Предполагаю, государь, – отвечала изумленная Маргарита, – но только ничего необыкновенного – вы знаете, мы танцуем почти каждый вечер.

– А я отправлюсь завтра на охоту, на великую охоту.

– А!

– Да, на охоту за волками.

– Каждому свое удовольствие, государь: вы любите охоту, я – балы. Вы охотитесь – я танцую.

– Да, мой друг, – Генрих вздохнул, – и поистине в этом нет ничего дурного.

– Конечно, но вы, ваше величество, произнесли это со вздохом.

– Выслушайте меня.

Маргарита вся обратилась в слух.

– Меня беспокоит...

– Что беспокоит вас, государь?

– Молва.

– Молва? Ваше величество беспокоит молва?

– Что ж, это легко объяснимо, в особенности если эта молва может причинить неприятность вам.

– Мне?

– Да, вам.

– Государь, я вас не понимаю.

– Вы ничего не слышали? – произнес Генрих тем же тоном.

Теперь Маргарита действительно испугалась: она решила, что это новый способ нападения со стороны супруга.

– Я самая нелюбопытная из всех женщин, государь, и не слушаю никогда, что шепчут мне на ухо. Впрочем, я так мало обращаю внимания на слухи, что, даже когда до меня что-то доходит, затыкаю уши.

– Так ваш совет – пренебрегать этой молвой, этими слухами?

– Непременно, государь, короли в особенности должны презирать их.

– Почему короли в особенности?

– Потому, что наши имена можно услышать во всех пересудах, и было бы слишком хлопотно принимать все близко к сердцу.

– Чудесно! Я думаю, вы правы, мой друг, и готов привести превосходный случай для приложения вашей философии к жизни.

«Наступает решительная минута!» – подумала Маргарита и, призвав все свое мужество, довольно твердым тоном заявила:

– Очень приятно, государь.

Генрих начал как кающийся, которому приходится признаваться в тяжком грехе:

– Вы знаете, как занимает меня участь Фосsez?

– А! – воскликнула Маргарита, видя, что речь не о ней самой, и переспросила: – Маленькой Фосsez, вашего друга?

– Да, – отвечал Генрих все тем же тоном, – маленькой Фосsez.

– Моей фрейлины?

– Вашей фрейлины.

– Вашей страсти, вашей любви?

– Ну вот! Вы начинаете повторять один из тех слухов, которые сейчас осуждали.

– Правда, государь, – Маргарита улыбнулась, – смиренно прошу у вас прощения.

– Друг мой, вы правы – молва лжет часто, и нам, королям, в особенности необходимо превратить эту теорему в аксиому... Помилуй бог! Кажется, я заговорил по-гречески! – И Генрих захохотал от души.

Маргарита в этом шумном смехе и особенно в лукавом взгляде, его сопровождавшем, прочла насмешку. Беспокойство опять закралось в ее душу.

– Так, Фосsez?..

– Фосsez больна, друг мой, и доктора не понимают ее болезни.

– Это странно, государь. Фосsez, которая, по словам вашего величества, осталась такой же чистой; Фосsez, которая, как я от вас слышала, сопротивлялась бы королю, если бы король говорил ей о своей любви; Фосsez – этот цветок чистоты, этот прозрачный кристалл – должна позволить взору науки проникнуть в глубину ее радостей и горестей!

– Увы, теперь это не так! – печально произнес Генрих.

– Как! – вскричала королева в злорадном порыве, ибо даже самая снисходительная женщина не устоит перед искушением уколоть другую женщину. – Фосsez уже не цветок чистоты?!

– Я этого не сказал, – сухо отвечал Генрих. – Сохрани меня бог обвинять кого-нибудь. Я говорю, что дочь моя Фосsez впала в болезнь, которую хочет скрыть от своих медиков.

– Положим, от медиков, но не от вас, ее поверенного, ее отца... Это мне кажется странным.

– Я знаю не более других, друг мой. – Генрих опять ласково улыбался.

– Итак, государь, – Маргарита по обороту, принятому разговором, поняла, что преимущество на ее стороне и прощения ждут от нее, а не она должна его вымаливать, – объяснитесь: я не знаю, чего желает ваше величество.

– Ну, что же, если хотите, я расскажу вам все.

Маргарита сделала движение, показавшее, что она готова слушать.

– Надо бы... – продолжал Генрих. – Но нет – это значит требовать от вас слишком много, друг мой...

– Говорите, государь, говорите.

– Надо бы вам навестить дочь мою Фосsez.

– Мне навестить эту девушку, которую все называют вашей любовницей, чего вы и сами не отрицаете?!

– Тише, тише, друг мой! Клянусь честью, подобными восклицаниями вы можете вызвать скандал, и я не знаю хорошенько, не доставите ли вы этим удовольствие француз-

скому двору, потому что в письме моего брата Шико читал: «quotidie scandalum», что даже такому неучу, как я, понятно: «каждодневный скандал».

Маргарита вздрогнула.

– Для этого не надо знать по-латыни, это почти по-французски, – заключил Генрих.

– Но, государь, к кому могут относиться эти слова?

– Вот это-то для меня и загадка. Но вы поможете мне, друг мой, – вы так хорошо знаете языки.

Маргарита покраснела до ушей, тогда как Генрих, опустив голову, с рукой возле лба, казалось, искал, к кому из его придворных могло относиться *quotidie scandalum*.

– Хорошо, – проговорила королева, – вы хотите ради нашего примирения принудить меня к унижительному поступку. Во имя этого я повинуюсь.

– Благодарю, друг мой, благодарю.

– Но какая цель этого посещения?

– Самая простая.

– Надо же мне ее знать, если я не могу догадаться.

– Вы найдете Фосsez среди фрейлин, в постели, в их комнате. Эти женщины, вы знаете, очень любопытны и болтливы и могут довести ее до крайности.

– Стало быть, она боится чего-нибудь?! – воскликнула Маргарита с удвоившимся гневом и ненавистью. – Она хочет укрыться от них?..

– Не знаю. Знаю только, что ей необходимо покинуть комнату фрейлин.

– Если она хочет скрыться, так на меня ей нечего рассчитывать. Я могу смотреть сквозь пальцы на некоторые вещи, но никогда не стану соучастницей. – Маргарита ждала, какое действие произведут эти слова.

Но Генрих, казалось, ничего не слышал: он опустил голову и принял тот задумчивый вид, который поразил Маргариту за минуту перед этим.

– Margota, – говорил он. – Margota cum Turenno. Вот странное соединение двух имен – Margota cum Turenno.

Маргарита теперь побагровела.

– Клевета, государь! – воскликнула она. – Вы повторяете клевету!

– Какая клевета? – произнес Генрих самым естественным тоном. – Разве вы считаете это клеветой? Просто одна фраза из письма моего брата пришла мне на память: «Margota cum Turenno conveniunt in castello nomine Loignac». Решительно надо заставить кого-нибудь перевести это письмо.

– Оставьте эту игру, государь. – Маргарита содрогнулась. – Скажите мне прямо: чего вы от меня ждете?

– Я желаю, чтобы вы отделили Фосsez от прочих фрейлин и, поместив ее в особую комнату, прислали ей скромного, неболтливого врача, например хоть вашего.

– О, теперь я вижу, в чем дело! – воскликнула королева. – Фосsez, хваставшаяся добродетелью, готовится произвести на свет плод своей любви!

– Я не говорю этого, друг мой, не говорю. Это вы утверждаете.

– И утверждаю справедливо, государь! Исправляйте сами ошибки Фосsez! Вы ее сообщник, это ваше дело: не невинная, а преступная, она должна быть наказана.

– «Преступная»! Вы мне напоминаете опять это ужасное письмо.

– Каким образом?

– Да ведь «преступный» по-латыни nocens, так?

– Да, nocens.

– Ну а в письме сказано: «Margota cum Turenno, ambo nocentes, conveniunt in castello nomine Loignac». Боже мой, как жаль, что мои познания не так богаты, как тверда память.

«“Ambo nocentes”... – повторила про себя Маргарита, сделавшись бледнее своей кружевной манишки. – Он понял, понял все!»

– «Margota cum Turenio ambo nocentes». Какого черта хотел сказать мой братец этим ambo? – немилосердно продолжал Генрих Наваррский. – Помилуй бог! Мой друг, странно, что при ваших познаниях вы до сих пор не объяснили мне значения этой фразы.

– Государь, я имела уже честь сказать вам...

– Э, черт возьми! – прервал король. – Вон Туренниус – один прогуливается под вашими окнами и смотрит вверх, как будто поджидая вас. Позову его сюда: он очень учен и, может быть, объяснит то, что я хочу знать.

– Государь, государь! – воскликнула Маргарита, вскакивая с кресла и складывая руки. – Будьте выше всех этих клеветников и сплетников Франции!

– Друг мой, в Наварре люди так же не снисходительны, как и во Франции. Кажется, вы сами сию минуту... были очень суровы в отношении бедной Фоссез.

– Я – сурова?!

– Вы забыли! Здесь, однако, мы должны быть снисходительны, сударыня. Мы ведем такую сладкую жизнь: вы – на своих балах, я – на любимой охоте.

– Да, да, государь, вы правы – будем снисходительны!

– О, я был уверен в вашей доброте, друг мой!

– Вы хорошо знаете меня, государь.

– Да. Итак, вы навестите Фоссез?

– Да, государь.

– Отделите ее от прочих фрейлин?

– Да.

– И никаких сиделок? Врачи скромны по своему положению, сиделки болтливы по привычке и по природе.

– Это правда, государь.

– И если, по несчастью, слухи справедливы и бедная девушка была действительно слаба и пала... – Генрих поднял глаза к небу, – что очень возможно: женщина слаба, говорит Писание...

– Что ж, государь, я женщина и умею быть снисходительной к другим женщинам.

– Ах, вы умеете все, мой друг, – вы поистине образец совершенства и...

– И?..

– Позвольте поцеловать ваши руки.

– Но знайте, государь, что я приношу эту жертву только из любви к вам.

– О, я знаю вас хорошо, и мой брат Генрих Третий, который наговорил вам так много лестного в своем письме, прибавляет: «Fiat sanum exemplum statim, atque res certior eveniet»⁴. Это, без сомнения, тот пример, который вы подаете теперь. – И Генрих поцеловал ледяную руку жены. Потом, остановясь на пороге, прибавил: – Обласкайте за меня Фоссез и займитесь тем, что вы обещали. Может быть, я не успею увидаться с вами до возвращения с охоты. Может быть, даже никогда... Эти волки – самые злые животные. Дайте я вас поцелую, друг мой. – Он поцеловал Маргариту почти с нежностью и вышел, оставив ее в изумлении от всего услышанного.

⁴ «Надо немедленно дать хороший пример, и дело станет ясным».

XLIX

Испанский посланник

Король нашел Шико в своем кабинете, еще взволнованного объяснением между мужем и женой.

– Ну, Шико? – произнес Генрих.

– Что вам угодно, государь?

– Знаешь, что утверждает королева?

– Нет.

– Она утверждает, что твоя проклятая латынь может расстроить наше семейное счастье.

– О государь, – вскричал Шико, – ради бога, забудьте эту латынь, и кончено!

– Я больше и не думаю об этом, черт возьми!

– В добрый час!

– У меня, по чести, есть чем заняться.

– Ваше величество любит забавы.

– Да, сын мой, – Генрих был недоволен тоном, которым произнес Шико эти немногие слова, – да, мое величество любит забавы.

– Извините, может быть, я мешаю вашему величеству?

– Сын мой, – возразил Генрих, пожав плечами, – я тебе говорил ведь, что здесь не так, как в Лувре. Здесь все делается гласно: любовь, война, политика.

Взор короля был так добр, улыбка так ласкова, что Шико почувствовал большую смелость.

– Война и политика – меньше, чем любовь, не так ли, государь?

– Честное слово, так, мой любезный друг. Признаюсь, эта страна так хороша, лангедокские вина так вкусны, наваррские женщины такие красавицы!

– Э, государь, вы, кажется, забываете королеву! Разве девы наваррские лучше, ласковее ее? В таком случае поздравляю их от души!

– Помилуй бог, ты прав, Шико. А я и забыл, что ты посол, что ты представляешь короля Генриха Третьего, что король Генрих Третий – брат моей Маргариты и перед тобой я из приличия даже должен ставить Маргариту выше всех женщин. Но надо извинить мое неблагодарие, Шико: я не привык к послам, сын мой.

В это мгновение дверь кабинета отворилась, и д'Обиак провозгласил:

– Господин испанский посол!

Шико так и подпрыгнул на месте. Генрих улыбнулся:

– По чести, вот неожиданное изобличение во лжи. Испанский посол! Эх, и какого черта приехал он сюда!

– Да, – повторил Шико, – какого черта приехал он сюда!

– Сейчас узнаем, – пообещал Генрих. – Не хочет ли наш сосед спорить насчет границ, например?

– Я удаляюсь, – скромно сказал Шико. – Это, конечно, настоящий посол его величества Филиппа Второго⁵, тогда как я...

⁵ Филипп II (1524–1598) – испанский король с 1558 г. Будучи ревностным католиком, задался целью доставить мировое господство католической церкви. Его политика вызвала восстание в Нидерландах и их отделение от Испании; посылка Непобедимой армады против протестантской Англии закончилась полным провалом, неудачной оказалась и война с Францией в 1585–1598 гг.

– Французский посол уступает место испанцу, и притом в Наварре, – помилуй бог! Не бывать этому! Отвори вот этот шкаф с книгами, Шико, и останься там.

– Но оттуда я поневоле буду все слышать, государь.

– Ну и послушай, черт побери! Что за беда? Мне нечего скрывать. Кстати, вы все передали мне со стороны вашего повелителя, господин посол?

– Все, государь, решительно все!

– Так тебе остается теперь смотреть и слушать, как делают все послы. Из этого шкафа ты удобно можешь исполнять и то и другое. Смотри во все глаза и слушай всеми ушами, любезный Шико! – И прибавил: – Д’Обиак, скажи капитану моей гвардии – пусть введет господина испанского посла.

Шико, услышав это приказание, поспешил спрятаться в шкафу и тщательно притворил дверцы. Медленные, мерные шаги раздались по паркету – это шел посол его величества Филиппа II. Когда предварительные, освященные этикетом разговоры кончились, Шико убедился, что Беарнец очень искусно умел давать аудиенции.

– Могу ли я говорить свободно с вашим величеством? – спросил посол по-испански (этот язык понятен каждому гасконцу как свой собственный).

– Можете, милостивый государь.

Шико наострил уши – любопытство мучило его.

– Государь, – объявил посланник, – я принес ответ его величества.

«Так, – заметил про себя Шико, – если он принес ответ, значит, был вопрос».

– Насчет чего? – осведомился Генрих.

– Насчет ваших предположений в последнем месяце, государь.

– По чести, я очень забывчив. Потрудитесь мне напомнить эти предположения, прошу вас, господин посол.

– По поводу замыслов лотарингских принцев во Франции...

– Да, и в особенности по поводу властолюбия моего кума Генриха Гиза. Очень хорошо! Теперь я вспомнил. Продолжайте.

– Государь, король, мой повелитель, невзирая на просьбы лотарингцев заключить с ними союз, смотрит на союз с Наваррой как на более честный и, если откровенно, более выгодный.

– Да, будем откровенны! – подхватил Генрих.

– Я откровенен с вашим величеством, потому что знаю намерения моего повелителя в отношении вашего величества.

– А я могу знать их?

– Государь, король, мой повелитель, ни в чем не откажет Наварре.

Шико приставил к двери ухо, кусая пальцы: не бредит ли он, не спит ли?

– Если мне нет отказа, – отвечал Генрих, – так посмотрим, чего могу я требовать.

– Всего, что угодно вашему величеству.

– А! Вот как!

– Пусть ваше величество говорит все прямо и откровенно!

– Помилуй бог! Я просто теряюсь.

– Его величество король испанский делает своему союзнику предложение.

– Я слушаю!

– Французский король поступает с королевой наваррской как с заклятым врагом. Он отвергает ее, свою сестру, с той минуты, как она покрывает его позором. Оскорбительные слова французского короля на ее счет... я прошу прощения у вашего величества, предмет так щекотлив...

– Говорите, говорите!

– Оскорбительные слова и поступки короля Генриха Третьего на ее счет известны всем – молва о них разнеслась повсюду.

Генрих сделал знак несогласия.

– Да, – продолжал испанец, – нас уведомили. Итак, я повторяю, государь: французский король отвергает вашу супругу как свою сестру тем, что старается ее обесчестить, приказав публично остановить ее носилки и заставив капитана своей гвардии ее обыскивать.

– Но, господин посланник, к чему вы все это говорите?

– Следовательно, вашему величеству очень легко отвергнуть как жену ту, которую брат отвергает как сестру.

Генрих бросил взгляд на дверцы шкафа, за которыми Шико, с блуждающими глазами, ждал продолжения столь витиеватого начала.

– После развода с ней, – продолжал посол, – союз между королем Наварры и Испании...

Генрих поклонился.

– ...Этот союз будет заключен так: король испанский отдает инфанту, свою дочь, за короля наваррского, а сам женится на Екатерине Наваррской, сестре вашего величества.

Беарнец вздрогнул всем телом от гордости, Шико – от страха. Первый увидел на горизонте свое счастье, лучистое, как солнце, другой – падение и смерть скипетра и счастья Валуа. Испанец, бесстрастный и холодный, видел только повеление своего короля. С минуту продолжалось молчание; потом король наваррский откликнулся:

– Предложение, господин посол, великолепно и делает мне очень много чести.

– Его величество король испанский, – поспешил гордый посол, надеясь воспользоваться этим энтузиазмом, – предлагает вашему величеству только одно условие.

– А, условие! Это справедливо. Посмотрим, каково ваше условие.

– Помогая вашему величеству против принцев лотарингских, то есть открывая вашему величеству дорогу к трону, мой повелитель желает облегчить для себя, посредством союза с вами, возможность удержать Фландрию, которую в настоящее время старается всеми силами завоевать герцог Анжуйский. Ваше величество, вы, конечно, хорошо понимаете то предпочтение, которое оказывает вам король испанский перед принцами лотарингскими, – хотя Гизы, его естественные союзники, как принцы католические, и без того стараются вредить герцогу Анжуйскому во Фландрии. Итак, вот условие – оно одно, справедливое и легкое: его величество король Испании породнится с вами двойным браком и поможет вам... – посол с минуту подыскивал слово, – наследовать королю Франции. Вы же утвердите за ним Фландрию. Теперь, зная мудрость вашего величества, я могу смотреть на свое посольство как на счастливо завершенное.

Молчание, более продолжительное, чем первое, последовало за этими словами, – для того, конечно, чтобы придать всю силу ответу, которого ангел-истребитель ждал, чтобы поразить огненным мечом Испанию и Францию.

Генрих Наваррский прошелся по кабинету.

– Итак, государь, – произнес он наконец, – это ответ короля Испании на мои предложения?

– Да, государь.

– И ничего больше?

– Ничего.

– Тогда, – заявил Генрих, – я отвергаю предложение его величества короля Испании!

– Вы отвергаете руку инфанты!.. – воскликнул испанец, вздрогнув, как от неожиданной раны.

– Честь велика, – Генрих поднял голову, – но я не могу считать ее выше чести быть мужем дочери короля Франции.

– Да, но этот брак приближает вас к могиле, государь, тогда как второй – к трону.

– Дорогое, несравнимое счастье обещаете мне вы, сударь. Но я никогда не куплю его кровью и честью моих будущих подданных. Как! Я подниму руку на короля Франции, на брата моей жены, для испанца, для чужеземца? Как! Я остановлю знамя Франции на пути побед, чтобы башни Кастилии и львы Леона вцепились железными когтями в землю, купленную кровью сынов Франции – моих братьев? Как! Я стану разжигать брань и междоусобице между моими родственниками, законными французскими принцами, – и введу иноземца в отечество? Выслушайте хорошенько: я просил у моего соседа, короля Испании, помощи против Гизов, которые жаждут моего наследия и не злоумышляют ни против герцога Анжуйского, моего родственника, ни против Генриха Третьего, моего друга, ни против моей жены, сестры моего короля. Вы поможете Гизам, говорите вы, вы обещаете им опору? Что ж! Я подниму на них и на вас всех протестантов Германии и Франции. Король Испании хочет удержать ускользающую Фландрию – пусть последует примеру своего отца, Карла Пятого: пусть просит у короля Франции свободного пропуска через французские владения, чтобы объявить себя первым фландрским гражданином, и Генрих Третий, я уверен, даст пропуск не хуже Франциска Первого. Я хочу трона Франции, по словам его католического величества. Это возможно, но я не имею нужды в его помощи для завоевания этого трона, – я возьму его сам, если он не будет занят и несмотря на все величества в мире. Итак, прощайте, милостивый государь. Скажите брату моему Филиппу, что я очень признателен ему за предложение. Но он меня смертельно обидел, если, делая предложение, считал, что я способен на него согласиться. Прощайте, милостивый государь.

Посол стоял в изумлении; он пробормотал только:

– Остерегитесь, государь! Доброе согласие между соседями иногда может рухнуть от одного дурного слова.

– Господин посол, – отвечал Генрих, – знайте, что быть королем Наварры и не быть вовсе королем для меня одно и то же. Моя корона так легка, что я не замечу даже, если она упадет с моей головы. Я, впрочем, постараюсь ее удержать, можете быть спокойны на этот счет. Прощайте еще раз, милостивый государь, – скажите королю, вашему повелителю, что мои честолюбивые мечты больше тех, о которых он мне говорил. Прощайте.

И Беарнец вновь, не показывая своего истинного лица, но приняв вид человека, за какого его считали, дал пройти героическому пылу и, любезно улыбаясь, проводил испанского посла до дверей своего кабинета.

L

Нищие короля Наваррского

Шико был так поражен, что и не подумал выйти из шкафа к Генриху, когда тот остался один. Беарнец сам отворил дверцы и ударил его по плечу.

– Ну, мэтр Шико, как я выпутался?

– Удивительно, государь! – Шико еще не совсем опомнился. – Но, право, хоть вы и говорите, что редко принимаете послов, зато принимаете как следует.

– Однако это по милости брата моего Генриха приезжают ко мне такие послы.

– Как это, государь?

– А так! Если бы он не преследовал беспрестанно свою сестру, то и другие не думали бы об этом. Не знай король Испании о публичном оскорблении, нанесенном королеве наваррской в ее собственных носилках капитаном Генриховой гвардии, – думаешь, осмелился бы он сделать мне подобное предложение?

– Я с радостью вижу, государь: все эти попытки останутся бесполезными и ничто не нарушит между вами и королевой доброго согласия.

– Э, мой друг, выгода нашей ссоры очень ясна...

– Признаюсь, государь, я далеко не столь проницателен, как вы думаете.

– Конечно, все желание брата моего Генриха состоит в том, чтобы я развелся с женой.

– Но зачем? Прошу вас, объясните это мне, государь. Черт возьми! Не думал я попасть в школу к такому учителю.

– Ты знаешь, что мне забыли выплатить приданое моей жены, любезный Шико?

– Нет, не знал, государь, только предполагал.

– И что это приданое заключается в трехстах тысячах золотых экю?

– Хорош кусочек!

– И нескольких городах, среди которых – Кагор.

– Славный городок!

– Я же требовал не триста тысяч экю, – как я ни беден, но не считаю себя беднее французского короля, – а Кагор.

– А, вы требовали Кагор, государь? На вашем месте я сделал бы то же самое.

– И вот потому, – продолжал Беарнец со своей тонкой улыбкой, – вот потому-то... Понимаешь теперь?

– Нет, черт меня побери!

– Вот потому-то и хотят поссорить меня с женой, чтобы я развелся с ней. Понимаешь, нет жены – нет и приданого, следовательно, нет трехсот тысяч золотых экю, нет городов и, главное, нет Кагора. Новый способ нарушить свое слово, а брат мой Валуа – большой искусник на подобные штуки.

– Так вам, государь, очень хочется иметь эту крепость?

– Без всякого сомнения, потому что, в конце концов, что такое мое Беарнское королевство? Бедное княжество, обрезанное жадностью моего шурина и королевны-матери до такой степени, что титул короля, связанный с ним, – смешной титул.

– Да, тогда как, присоединив к этому княжеству Кагор...

– Кагор был бы моей защитой, порукой безопасности исповедующих мою религию.

– Ну, государь, придется по Кагору носить траур, потому что, поссоритесь вы или нет с королевой Маргаритой, король Франции не отдаст вам его никогда, если вы сами его не возьмете...

– О, – воскликнул Генрих, – я бы взял его, если бы он не был так укреплен, а я не боялся бы так войны!

– Кагор неприступен, государь, – повторил Шико.

Генрих водрузил на своем лице маску непроницаемой наивности.

– О, неприступен, неприступен! Если б еще у меня была армия... которой, впрочем, нет.

– Выслушайте, государь! – попросил Шико. – Мы здесь не для того, чтобы говорить друг другу нежности. Между гасконцами, вы знаете, принята откровенность. Чтобы взять Кагор, комендант которого де Везен, надо быть Ганнибалом или Цезарем, а ваше величество...

– Ну, что мое величество?.. – прервал Генрих со своей насмешливой улыбкой.

– Ваше величество, вы сами сказали, что вы не любите воевать.

Генрих вздрогнул, искра пламени сверкнула в его задумчивых глазах. Но, подавив тотчас этот невольный порыв и поглаживая загорелой рукой черную жесткую бороду, он согласился:

– Действительно, я никогда не вынимал шпаги. Никогда и не выну – я соломенный король и человек мирный. Однако, Шико, я люблю упражняться и разговаривать о воинских делах – это уже в крови: святой Людовик⁶, мой предок, имел это счастье. Он, воспитанный в благочестии и кротости, делался при случае отличным метателем копья, превосходно дрался на шпагах. Поговорим, если хочешь, Шико, о господине де Везене, об этом Ганнибале, Цезаре.

– Простите меня, государь, если я не только оскорбил вас, но и встревожил. Я сказал о де Везене, чтобы потушить последнюю искру пламени, которую юность и незнание дел могли зажечь в вашем сердце. Кагор защищен и охраняем так потому, что он – ключ от всего юга.

– Увы, – Генрих вздохнул еще горше, – это мне слишком хорошо известно!

– Это, – продолжал Шико, – богатая земля, обеспечивающая безопасность населения. Иметь Кагор – значит иметь житницы, всякие запасы, деньги, дома и связи. Владеть Кагором – значит иметь все это на своей стороне. Не владеть Кагором – значит иметь все это против себя.

– О! Помилуй бог! – пробормотал король Наваррский. – Поэтому мне так хочется владеть Кагором, поэтому я и просил покойную матушку сделать его условием *sine qua non*⁷ – вот я и заговорил, кажется, по-латыни. Кагор – приданое моей жены. Мне его обещали и должны отдать.

– Государь, быть должным – и платить...

– Ты прав: два дела разных, мой друг. Так что, по твоему мнению, мне его не отдадут?

– Я опасюсь этого.

– Черт возьми!

– И если говорить откровенно...

– Ну, Шико!

– Они будут правы, государь.

– «Будут правы»! Почему же?

– Потому, что вы не сумели заставить их заплатить приданое прежде.

– Несчастный! – Генрих улыбнулся с горечью. – Ты забыл о набате колокольни Сен-Жермен л'Оксерруа! Мне кажется, что жених, которого хотят зарезать в ночь его свадьбы, больше будет думать о своей жизни, чем о приданом жены.

⁶ Людовик IX Святой (1215–1270) – король Франции с 1226 г. В 1248 г. отправился в Крестовый поход, но попал в плен к туркам, из которого был выкуплен за большую сумму. В 1270 г. предпринял Крестовый поход в Тунис, в котором пал жертвой эпидемии. Результатом правления Людовика IX стало резкое усиление королевской власти во Франции. После смерти был причислен к святым.

⁷ Непременным (лат.).

– Так, – произнес Шико. – Но после?

– После?

– Да, после мы имели мир, кажется. Ну и надо было пользоваться этим миром. Надо было вместо любовных интриг вести политические. Не так занимательно, я знаю, но более полезно. Я говорю это, государь, право, столько же для вас, сколько для моего короля. Если бы Генрих Французский имел в Генрихе Наваррском верного союзника, то, предположив, что католики и протестанты соединились одним политическим интересом, оставив борьбу за интересы религиозные на будущее время, – католики и протестанты, то есть два Генриха, заставили бы трепетать весь род человеческий.

– Ох, – проговорил Генрих смиренно, – не желаю я заставлять трепетать никого, лишь бы не трепетать самому... Но довольно, Шико, перестанем говорить о предметах, которые тревожат мой дух. Я не владею Кагором. Ну, обойдусь и без него.

– Это ужасно.

– Как же быть? Ты ведь сам говоришь, что Генрих никогда не отдаст мне этого города.

– Я думаю так, государь; я уверен по трем причинам.

– Назови мне их, Шико.

– Охотно. Первая – Кагор город очень доходный. Вот почему король Франции скорее оставит его при себе, чем отдаст другому.

– Это не совсем честно. Вторая причина, сын мой?

– Вторая – Екатерина...

– Так добрая матушка все еще вмешивается в политику? – прервал Генрих.

– Постоянно. Екатерина захочет видеть свою дочь скорее в Париже, чем в Нераке. Лучше при себе, чем возле вас.

– Ты думаешь? Однако матушка Екатерина любит свою дочь страшной любовью.

– Да. Но королева Маргарита служит заложницей, государь!

– У, до каких тонкостей ты доходишь, Шико! А я, черт меня побери, и не подозревал этого. Но, однако, ты можешь быть прав: да-да, дочь короля Франции при случае может быть заложницей. Ну?

– Государь, с уменьшением доходов уменьшается удовольствие пребывания в провинции. Нерак – город прекрасный, с великолепным парком и аллеями, каких, может быть, нет нигде. Но королева Маргарита с уменьшением доходов соскучится в Нераке и пожалеет о Лувре.

– Мне нравится больше первая твоя причина, – сказал Генрих, покачивая головой.

– Теперь третья причина. Между герцогом Анжуйским, который ищет какого-нибудь трона и возмущает Фландрию; между Гизами, которые хотят стяжать себе корону и возмущают Францию; между его величеством королем Испании, который хочет поработить всю вселенную и возмущает всех, – вы, принц наваррский, поддерживаете некоторое равновесие.

– Будто! Я не имею никакого веса!

– Вот именно. Посмотрите на Швейцарскую республику. Сделайтесь вы сильнее, то есть тяжелее, – и вы опустите одну из весовых чаш. Вы не будете уже только балансом – вы будете тяжестью.

– О, эта причина мне чрезвычайно нравится, и она превосходно выведена. Ты истинный ученый, любезный Шико.

– По чести, государь, я то, чем могу быть.

Шико остался доволен комплиментом короля и попался в сети королевского добродушия, к которому еще не успел привыкнуть.

– Так вот изображение моего положения? – подытожил Генрих.

– Полное, государь.

– А я и не догадывался об этом, Шико, а я все надеялся, понимаешь?

– Ну, государь, если позволите дать вам совет – так перестаньте надеяться.

– Стало быть, Шико, этот долг короля Франции мне надо отметить буквой З, как я отмечаю тех моих арендаторов, которые не в состоянии заплатить деньги за свои фермы?

– Это значит – «заплачено»?

– Да.

– Поставьте два З, государь, и вздохните.

Генрих вздохнул.

– Так и сделаю, Шико. Впрочем, мой друг, ты сам видишь, что можно жить в Беарне и что я решительно не нуждаюсь в Кагоре.

– Я вижу это, и, поскольку я считал вас принцем рассудительным, королем-философом... Но что это за шум?

– Шум? Где?

– Да во дворе, кажется.

– Посмотри из окна, мой друг, посмотри!

Шико подошел к окну.

– Государь, там стоят человек двенадцать, очень дурно одетых.

– А, это мои нищие! – И король встал.

– У вашего величества есть свои нищие?

– Без сомнения. Разве Бог не велел нам быть милостивыми? Не будучи католиком, Шико, я все-таки христианин.

– Браво, государь!

– Сойдем вниз, Шико, – будем вместе раздавать милостыню. Потом отправимся ужинать.

– Государь, я следую за вами.

– Возьми прежде вон тот кошелек, что лежит на столике, подле моей шпаги, видишь?

– Взял, государь...

Они сошли вниз; на дворе была уже ночь. Король казался озабоченным и задумчивым. Шико видел это, и ему стало грустно. «За каким чертом вздумал я говорить с этим славным принцем о политике? – думал Шико. – Какой я глупец!» Генрих приблизился к группе нищих. То была дюжина людей различного вида, с самыми пестрыми лицами и одеждами. Простой наблюдатель счел бы их по голосам, жестам и языку цыганами, иностранцами, а наблюдатель проницательный признал бы в них переодетых дворян.

Король взял кошелек из рук Шико и сделал знак. Все нищие, казалось, безошибочно поняли этот знак. Они поочередно подходили к королю для приветствия со смиренным видом, сквозь который проглядывали смелость и смысленность, замечаемые одним только королем, будто чтобы сказать ему: «Под грубой оболочкой сердце пылает». Генрих кивнул головой, потом, вложив большой и указательный пальцы в кошелек, который держал Шико, взял монету.

– Государь, – решился заметить Шико, – вы знаете, что это золото?

– Да, мой друг, знаю.

– Черт побери! Вы богаты.

– Разве ты не видишь, мой друг, – Генрих улыбался, – что каждая из этих монет предназначена для двоих нищих? Я беден и вынужден разрезать каждый пистоль пополам.

– Пра-авда, – протянул Шико с возрастающим удивлением, – монеты половинные и со странными чертами.

– О, я похож на брата моего Генриха Третьего, который забавляется вырезанием картинок. Я тоже имею свои причуды – забавляюсь в свободные минуты обрезанием моих пистолей. Бедный и честный Беарнец промышляет, как жид.

– Это все равно, государь, – Шико покачал головой – он видел здесь какую-то скрытую тайну, – все равно. Однако это странный способ раздавать милостыню.

– Ты раздавал бы иначе?

– Да, и вместо того чтобы трудиться, разрезая каждую монету, я дал бы ее всю на двоих.

– Тогда нищие подерутся, любезный, и вместо блага я сделаю зло.

Генрих взял золотую полумонету из кошелька и, встав перед первым нищим с той покойной, кроткой миной, которая составляла его обыкновенное выражение, посмотрел на этого человека, не говоря ни слова, но вопрошая взором.

– Ажан, – проговорил нищий с поклоном.

– Сколько? – спросил король.

– Пятьсот.

– Кагор. – И король отдал ему монету и достал другую.

Нищий поклонился еще ниже и удалился. За ним последовал другой, с таким же смиренным видом.

– Ош, – произнес он с поклоном.

– Сколько?

– Триста пятьдесят.

– Кагор. – Генрих отдал ему вторую монету и взял из кошелька третью.

Второй исчез, как и первый. Подошел третий, поклонился, сказал:

– Нарбонна.

– Сколько?

– Восемьсот.

– Кагор. – И король отдал третью монету и взял из кошелька еще.

– Монтобан, – молвил четвертый.

– Сколько?

– Шестьсот.

– Кагор.

Все приближались с поклоном, называли город, получали странную милостыню и называли цифры. Счет дошел до восьми тысяч. Каждому Генрих отвечал: «Кагор», ни разу не изменив выражения голоса. По окончании раздачи в кошельке не было больше полумонет, а во дворе – нищих.

– Ну вот, – сказал Генрих.

– Все, государь?

– Да, я кончил.

Шико тронул короля за рукав:

– Государь?

– Ну?..

– Можно мне любопытствовать?

– Отчего же нет? Любопытство – самое естественное дело на свете.

– Что говорили вам нищие и какую чепуху вы им отвечали?

Генрих улыбнулся.

– Право, здесь все так таинственно.

– Ты находишь?

– Да, я никогда не видывал, чтобы раздавали милостыню таким образом.

– В Нераке такое обыкновение, любезный Шико. Ты знаешь пословицу: «Что город, то норы, что деревня – то обычай».

– Только в вашем городе норы очень странен.

– Ничуть, черт возьми! Нет ничего проще. Все эти люди, которых ты видел, ходят по моим владениям, собирают милостыню, но каждый в своем городе.

– Потом, государь?

– Ну, чтобы мне не давать несколько раз одному и тому же, каждый говорит название своего города. Таким образом, понимаешь, любезный Шико, я поровну могу делить мои благодеяния и быть полезным всем несчастным всех городов моего государства.

– В отношении названий городов, которые они говорили, это понятно. Но зачем вы отвечали всем «Кагор»?

– Ах, – возразил Генрих, превосходно разыгрывая изумление, – так я им отвечал «Кагор»?

– Ну да!

– Ты думаешь?

– Уверен.

– Это, видишь ли... С тех пор как мы с тобой поговорили о Кагоре, это название так и вертится у меня на языке. Знаешь, когда чего-нибудь пламенно желают и не могут получить, так это самое видят во сне и говорят о нем во сне.

– Гм! – произнес Шико с недоверием, посмотрев, куда скрылись нищие. – Это далеко не так ясно, как я хотел бы, государь. Кроме того...

– Как! Еще что-нибудь?

– Кроме того, я не понимаю значения чисел, которые произносили ваши нищие и которые составляют в итоге около восьми тысяч.

– А что касается этого, Шико, так я и сам не понял. Может быть, впрочем, нищие, которые, как ты знаешь, разделены на округа, доносили мне о числе своих несчастных братьев.

– Государь! Государь!

– Пойдем ужинать, мой друг. По моему мнению, ничто так не изощряет ума человеческого, как пища и питье. Мы подумаем за столом, и ты увидишь, что если мои пистолы и обрезаны, то бутылки полны. – Король позвал пажа и распорядился об ужине.

Потом, фамильярно взяв Шико под руку, пошел с ним в кабинет, где был сервирован стол. Проходя мимо покоев королевы, он взглянул на окна и увидел, что они не освещены.

– Паж, дома ее величество королева?

– Ее величество королева, – отвечал паж, – отправилась навестить свою фрейлину, девицу Монморанси, которая, говорят, очень больна.

– Ах, бедная Фосsez! Право, у королевы предоброе сердце. Пойдем ужинать, Шико!

LI

Возлюбленная короля Наваррского

За ужином Генрих был весел; казалось, ни в мыслях его, ни на душе не было ничего мрачного, а всем известно, каким превосходным собеседником являлся Беарнец в хорошем расположении духа. Шико всеми силами старался скрыть беспокойство, которое овладело им при появлении испанского посла и, увеличившись еще более при раздаче золота нищим, не покидало его ни на минуту.

Генриху хотелось поужинать со своим кумом Шико наедине. Еще при дворе короля Генриха Третьего он чувствовал к Шико расположение, которое имеют друг к другу умные люди. И Шико, со своей стороны, если оставить это посольство из Испании, нищих и обреченные пистолы, чувствовал большую симпатию к королю наваррскому. Видя, что Генрих пьет без всякой воздержанности, он решился поступать осторожно, чтобы не пропустить мимо ушей ничего, о чем может проговориться Беарнец.

Генрих пил не стесняясь и умел так увлекать собеседников, что почти не давал Шико отставать от себя. Но Шико оказалось трудно спойть – это была крепкая голова. Генрих Наваррский говорил, что это вина из его земель и он привык пить их, как воду. Все это было приправлено комплиментами, которыми обменивались между собой собеседники.

– Как я завидую вам, – говорил Шико королю. – Как счастлива ваша жизнь, государь! Какие добрые лица вижу я в вашем доме и какие богатства в этой прекрасной Гаскони!

– Если бы здесь была моя жена, я не сказал бы тебе при ней, что скажу теперь. Но в ее отсутствие могу признаться, что самой-то лучшей части моей жизни ты и не видишь.

– Ах, государь, в самом деле я слышал кое-что о вашем величестве.

Генрих откинулся на спинку своего кресла и принялся поглаживать бороду.

– Слышал? Говорят, что я царствую больше над подданными женского пола.

– Точно так, государь. Однако это меня удивляет.

– Чему же тут удивляться, любезный кум?

– Я удивляюсь потому, что вы имеете тот беспокойный дух, который рождает королей.

– Ах, Шико, ты ошибаешься. Я больше ленив, чем деятелен. Доказательство – вся моя жизнь. Если я выбирал вино, то всегда из ближайшей бутылки. За твое здоровье, Шико!

– Государь, много чести! – Шико опорожнил свой стакан до последней капли, потому что король смотрел на него тем умным взором, который, казалось, проникал в самую глубь его мыслей.

– Да, – король поднял глаза к небу, – а сколько неудовольствий в моем семействе!

– Я понимаю, государь, – все фрейлины королевы обожают вас!

– Они мои соседки, любезный Шико.

– Хе-хе-хе! Государь, стало быть, если бы вы жили в Сен-Дени, а не в Нераке, то король Генрих Третий вел бы жизнь несколько побеспокойнее нынешней.

Генрих стал угрюмее.

– Король! Что вы говорите мне о короле, любезный Шико? Не воображаете ли вы, что я Гиз? Мне хочется иметь Кагор, правда, но Кагор ведь почти у моих ворот. Я честолобив, но, если надо трудиться, я не двигаюсь с места и не желаю ничего.

– Черт возьми! – отвечал Шико. – Это желание того только, что находится под рукой, очень похоже на желание Цезаря Борджиа⁸, который собирал не больше как по одному

⁸ *Борджиа Цезарь* (Чезаре) (1476–1507) – сын Папы Александра VI, кардинал (до 1498). Активно проводил политику своего отца, не останавливаясь перед применением любых средств. Был типичным сыном своего времени: энергичным, умным, жестоким, коварным, беспринципным, покровительствовал наукам и искусству; погиб в сражении.

городу и скопил целое королевство, уверяя, что Италию, как артишоки, надо есть по одному листочку.

– Этот Цезарь Борджиа был, кажется, недурным политиком, куманек?

– Но очень опасным соседом и плохим родственником.

– А, уж не сравниваете ли вы меня, предводителя гугенотов, с этим папским сынком?

Что это вы, господин посол!

– Государь, я не сравниваю вас ни с кем.

– На каком основании?

– На том основании, что всякий, кто сравнит вас с кем-нибудь, кроме вас самого, жестоко ошибется. Вы честолюбивы, государь.

– Вот странность, – произнес Беарнец, – ты всеми средствами принуждаешь меня желать чего-нибудь.

– Сохрани меня Бог, государь! Напротив, я от всего сердца желаю, чтобы вы, ваше величество, ничего не желали.

– Послушайте, Шико, вас ничто не призывает в Париж?

– Ничто, государь.

– Стало быть, вы проведете несколько дней у меня?

– Если ваше величество делает мне эту честь, то позвольте уж пробыть у вас восемь дней.

– Восемь дней – согласен: за эти восемь дней вы узнаете меня, как родного брата.

Выпьем же, Шико!

– Мне не хочется больше. – Шико начинал отказываться от принятого намерения напоить короля пьяным.

– Когда так, любезный кум, то я вас оставлю. Мужчина не должен оставаться за столом, когда ему нечего делать. Ну что, выпьем еще?

– К чему?

– Чтобы крепче спать. Это вино имеет свойство усыплять. Любите вы охоту, Шико?

– Не совсем, государь. А вы?

– Я люблю ее до страсти, особенно с того времени, как был при дворе Карла Девятого.

– Почему, ваше величество, вы делаете мне честь – спрашиваете, люблю ли я охоту?

– Потому, что я завтра еду на охоту и имею намерение пригласить и вас.

– Государь, много чести, но...

– О, куманек, успокойтесь, эта охота в состоянии воодушевить взор и сердце всякого военного человека. Я добрый охотник, Шико, и мне хочется показать вам свое искусство, черт возьми! Вы хотите узнать меня поближе, говорите вы?

– Черт возьми! Признаюсь, государь, это мое пламенное желание.

– Ну а с этой стороны вы еще меня не изучили.

– Я сделаю все, что вам угодно, государь.

– Хорошо. Но что это? Нас беспокоят. Идет паж.

– Какое-нибудь важное дело, требующее...

– Дело! У меня! Когда я за столом! Шико все думает, что он при французском дворе.

Шико, друг мой, вспомни, что в Нераке...

– Что же в Нераке?!

– В Нераке после ужина ложатся спать.

– Но этот паж?

– Но разве этот паж возвещает только о делах?

– А, понимаю, государь, и отправляюсь спать.

Шико встал. Король тоже поднялся и взял гостя под руку. Это желание выпроводить его поскорее показалось Шико подозрительным. Со времени появления испанского посла ему все казалось подозрительным. Он решил как можно дольше не выходить из кабинета.

– Ох, ох! – произнес он, шатаясь. – Это удивительно, государь!

Беарнец улыбнулся:

– Что тебе удивительно, куманек?

– Черт возьми! У меня кружится голова... Когда сидел – все было хорошо, но теперь...

– Ну вот! Мы только попробовали вино.

– Вы называете это «пробовать»? Хороша проба! Уф!

– Шико, друг мой, – Беарнец старался убедиться своим проницательным взглядом, свойственным только ему, в самом ли деле пьян Шико или только притворяется, – я думаю, ты теперь лучше всего сделаешь, если пойдешь спать.

– Да, да, государь, спокойной ночи.

– До завтра.

– До завтра, государь, ваша правда, теперь лучше всего ложиться спать. Прощайте. – И Шико растянулся на полу.

Видя это, Генрих взглянул на дверь, и, как ни быстр был взгляд, Шико заметил это. Генрих подошел к нему.

– Ты до такой степени пьян, бедный Шико, что ничего не видишь.

– Как, государь?

– Ты принял за свою постель ковер в моем кабинете.

– Шико человек воспитанный, такие ничтожные предметы не занимают его.

– Так ты не замечаешь еще, что...

– Что?..

– Что я жду кое-кого.

– Чтобы вместе ужинать? – И Шико сделал бесполезное усилие подняться.

– Помилуй бог! Как скоро ты пьянеешь, куманек! Ступай! Ты видишь, она беспокоится!

– «Она»... Кто «она»?

– Э, черт возьми! Женщина, которую я жду и которая принуждена стоять у дверей, вон там...

– Женщина! Э, отчего вы не сказали, государь? Я уйду.

– В добрый час, ты истинный дворянин, Шико. Так... хорошо... Поднимайся, иди! Мне предстоит славная ночь, слышишь? Целая ночь!

Шико встал и, покачиваясь, добрался до двери.

– Прощайте, государь, доброй ночи!

– Прощай, друг мой, спи спокойно.

– И вам того же желаю, государь.

– Тсс...

– Да, да, тсс... – И он отворил дверь.

– В галерее найдешь пажа – он укажет тебе твою комнату. Ступай!

– Благодарю, государь. – И Шико ушел, поклонившись прежде так низко, как только может кланяться пьяный человек.

Но едва дверь за ним закрылась, как все его опьянение исчезло: он сделал три шага вперед и вдруг, возвратившись, приставил глаз к широкой замочной скважине. Генрих отворил дверь неизвестной особе, которую Шико, как послу, так хотелось бы узнать. Но вместо женщины в комнату вошел мужчина. И когда этот мужчина снял шляпу, Шико узнал благо-

родное, важное лицо Дюплесси-Морне⁹, сурового и бдительного советника Генриха Наваррского.

– Ах, черт возьми! – произнес Шико. – Вот кто может помешать нашему влюбленному, и помешать больше, чем мог бы я сам.

Но лицо Генриха выражало одно удовольствие. Он пожал руку вошедшему и, с пренебрежением оттолкнув стол, посадил Морне около себя со всем жаром любовника. Кажется, он с жадностью спешил выслушать советника, как вдруг, прежде чем Морне успел что-нибудь сказать, он встал, подав ему знак подождать, подошел к двери и запер ее с осторожностью, которая заставила Шико глубоко задуматься.

Между тем Генрих обратил свой пламенный взор на карты, планы и письма, которые министр последовательно представлял на его рассмотрение. Король зажег еще несколько свечей и принялся писать и отмечать что-то на картах.

– Ай-ай! – бубнил Шико. – Так вот она, приятная ночь короля наваррского! Если все они похожи на эту, то Генриху де Валуа приятных ночей не видать.

В эту минуту позади раздались шаги – это шел паж, дожидавшийся его в галерее. Не желая, чтобы его застали подслушивающим, Шико выпрямился во весь рост и спросил у пажа, где его комната. Впрочем, он знал уже, что ему было нужно: с появлением Дюплесси все объяснилось.

– Идите за мной, сударь, – пригласил д'Обиак, – мне поручено проводить вас в ваши комнаты.

И повел его на второй этаж, где для него приготовили апартаменты.

У Шико не было более сомнений: он знал теперь половину букв, составляющих загадку короля наваррского. Итак, вместо того чтобы спать, хмурый и задумчивый, он уселся на свою постель. Луна освещала долины, звезды отражались в реке.

«Генрих – настоящий король! – размышлял мрачный Шико. – Генрих в заговоре. Этот дворец, парк, город, который его окружает, провинция, которая окружает город, – все в заговоре. Все женщины влюблены, но все мужчины в политике питают себя надеждами на будущее. Генрих коварен. Его способности близки к гениальности. Он имеет сношения с Испанией, страной обмана. Почему знать, может быть, этот благородный ответ испанскому послу совершенно противоположен его мыслям. Может, он предупредил посла, мигнув ему или сделав условный знак, которого я не заметил. Генрих держит шпионов; он платит им сам или посредством кого-нибудь. Эти нищие были переодетые дворяне. Эти монеты, так искусно обрезанные, – какие-нибудь знаки, по которым они узнают друг друга. Генрих притворяется влюбленным и ветреным. Его считают занятым любовной интригой, а он проводит ночи за работой с Морне, который не спит никогда и не знает любви. Вот что мне хотелось знать. Теперь я знаю!

Королева Маргарита имеет любовников, и это не тайна для короля. Он терпит, потому что имеет надобность в них или в ней, может быть, в тех и других вместе. Не будучи военным сам, он нуждается в хороших офицерах, а не имея достаточно денег, расплачивается с ними тем, что они пожелают. Генрих де Валуа мне говорил, что не может спать. Черт возьми! И хорошо делает! Счастье еще, что этому вероломному Генриху, хорошему дворянину, Бог, дав дар интриги, не дал мужества. Генрих, говорят, боится мушкетных выстрелов, и когда, еще в молодости, его вывели к армии, не смог высидеть в седле более четверти часа. Да, счастье! – повторил Шико. – Потому что в наши времена, если такой искусный политик, как он, к тому же храбр, – такой политик может стать повелителем мира.

У Гиза есть и то и другое: он политик и полководец, но его все знают как храброго и хитрого. А в Беарнце никто этого и не подозревает. Один я разгадал его. – И Шико удо-

⁹ Дюплесси-Морне Филипп (1549–1623) – французский политический деятель, гугенот, сторонник Генриха IV.

влетворенно потер руки. – Ну а раз так, мне здесь нечего больше делать. Пока он работает или спит, я потихоньку отправлюсь из города. Немного, я думаю, найдется послов, которые могут похвастаться, что исполнили свое поручение за один день. Итак, выйду из Нерака и, выбравшись отсюда, помчусь во Францию!»

И он начал прикреплять шпоры, которые снял было перед представлением королю.

LII

Шико с удивлением видит, что он прекрасно известен в Нераке

Шико, решившись инкогнито оставить двор наваррского короля, начал собираться в путь. Его дорожный узелок был очень невелик. Шико знал по опыту: меньше несешь – скорее идешь. Самой тяжелой частью его ноши была длинная шпага.

«Поразмыслим, сколько времени, – спрашивал он сам у себя, продолжая увязывать свои пожитки, – мне нужно, чтобы передать королю новость, которую я знаю, и чего я, следовательно, опасаясь. Двух дней достаточно, чтобы доехать до какого-нибудь города, откуда можно отправить курьера хоть на край света. Положим, например, это Кагор, о котором так часто говорит король наваррский. Там я могу отдохнуть – силы человека, в конце концов, имеют предел. Итак, я отдохну в Кагоре, а оттуда поеду на лошадях.

Теперь, любезный друг Шико, главное – ноги, быстрота и хладнокровие. Ты, простак, решил, что выполнил поручение. Нет, ты еще на полпути к цели».

Шико потушил свечу, отворил как можно тише дверь и стал ощупью продвигаться вперед. Шико был искусный стратег: следуя за д'Обиаком, он взглянул и направо, и налево, и назад и имел теперь представление, где и что расположено. Передняя, коридор, лестница, потом, сойдя с лестницы, – дверь.

Но не успел Шико сделать и четырех шагов по передней, как зацепил за что-то, что тотчас же вскочило. Это был паж, спавший на полу.

– Господин Шико, добрый вечер! – встрепнулся тут же паж.

Шико узнал д'Обиака.

– А, добрый вечер, д'Обиак! Посторонитесь немного – мне хочется прогуляться.

– Прогуливаться по ночам у нас запрещено, господин Шико.

– Это почему?

– Потому, что король боится воров, а королева – поклонников.

– Черт возьми! Однако, любезный д'Обиак, я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Я посол, и притом очень утомленный разговорами по-латыни с королевой и ужином с королем, потому что королева отлично говорит по-латыни, а король пьет едва ли не еще лучше. Пустите же меня, мне ужасно хочется прогуляться. – И он улыбнулся самой обаятельной своей улыбкой.

– По городу, господин Шико?

– О нет, в саду.

– Гулять по саду запрещено еще строже, чем по городу.

– Вы бдительны не по летам, любезный друг, и это не комплимент! Неужели вас ничто не занимает?

– Ничто в отдельности и все вообще.

– Вы не играете, не влюблены?

– Для игры нужны деньги, господин Шико. Чтобы любить, надо иметь любовницу.

– Справедливо. – Рука Шико принялась шарить что-то в кармане.

Паж видел это и не мешал ему.

– Поищите хорошенько в своей памяти, любезный дружок, – продолжал Шико, – и я готов спорить, что вы найдете какую-нибудь красавицу, для которой пожелаете купить побольше лент или букет цветов.

И Шико сунул в руку пажа десять пистолей, не обрезанных, как монеты Беарнца.

– Ах, господин Шико, сразу видно, что вы приехали от французского двора. С таким обращением вам ни в чем нельзя отказать. Делать нечего, выходите. Но не шумите.

Шико не заставил повторять позволения – он как тень скользнул в коридор, потом на лестницу. Но внизу, сидя на стуле, спал офицер. Он прислонился к самой двери – безрассудно было бы пытаться пройти, не задев его.

– А, разбойник паж! – проворчал Шико. – Ты знал это и не предупредил меня!

К довершению несчастья, офицер, казалось, спал очень чутко: он менял то положение руки, то ноги, один раз даже протянул руки, угрожая проснуться вполне. Шико искал вокруг себя какое-нибудь отверстие, через которое с помощью длинных ног и твердой руки можно было бы пройти, не отворяя двери и не тревожа офицера. Он заметил наконец то, что искал. Это было полукруглое окно, и оно не было закрыто, – может быть, чтобы шел чистый воздух из сада или просто король наваррский, как небрежный хозяин, не считал нужным вставить стекла.

Шико ощупал выпуклости стены и, опираясь на них, как на ступеньки, стал подниматься к окну (читатели знают его искусство и легкость), производя шума не более, чем сухой листок, который задевает за стену, носимый осенним ветром.

Но выемка окна была несоразмерна с плечами и грудью Шико, и, чтобы пролезть через окно, живот его должен был пропасть, а гибкие плечи войти сами в себя. Кончилось тем, что он, просунув в окно голову и одно плечо и опустив ногу, которой опирался об уступ стены, повис между небом и землей, не в состоянии подвинуться ни взад ни вперед. Тогда начался ряд бесполезных усилий – Шико лишь разордал в нескольких местах камзол и собственную кожу.

Шпага особенно затрудняла его положение – своим эфесом она, как крюком, удерживала его на внутреннем крае подоконника. Пришлось соединить всю силу, все терпение и ловкость, чтобы расстегнуть аграф перевязи, на которой держалась шпага. Но на аграф опиралась его грудь – надо было переменить способ исполнения задуманного. Ему удалось наконец просунуть руку назад и вытащить шпагу из ножен. Вынув шпагу, он благодаря своему гибкому телу нашел пространство, через которое просунул эфес, и шпага упала на плиту. За ней вслед, как угорь, скользнул и он сам, смягчая свое падение руками.

Эта борьба человека с каменными челюстями окошка не могла происходить без шума. Шико поднялся и оказался лицом к лицу с солдатом.

– Ах, боже мой, не ушиблись ли вы, господин Шико? – Солдат услужливо подал ему рукоять алебарды.

«Еще один!» – разозлился Шико. Но, подумав об участии, которое выказал ему солдат, успокоил его:

– Нет, мой друг, не ушибся!

– Слава богу. А то не поверил бы, что можно сделать то, что вы сделали, не разбив головы. Действительно, один только вы и могли это, господин Шико.

– Но какой черт сказал тебе мое имя? – Удивленный Шико уже вознамерился проскользнуть мимо.

– Я сегодня видел вас во дворце. Спросил: кто этот высокий дворянин, что разговаривает с королем? Мне отвечали: господин Шико. Вот как я узнал ваше имя.

– Мне очень приятно, – поклонился Шико. – Но я спешу. Ты позволишь...

– Что вам угодно, господин Шико?

– Оставить тебя и продолжать путь.

– Но по ночам из дворца выходить нельзя – отдан такой приказ.

– Ты видишь – я ухожу. Стало быть, можно.

– Это конечно, но...

– Но?..

– Вам надо вернуться, господин Шико.

– Ну нет, братец.

– Как «нет»?

– По крайней мере, не той же дорогой: ты видишь, как она удобна.

– Будь я офицер – так спросил бы вас: зачем вы выбрали эту дорогу? Но это меня не касается: я простой солдат. Все-таки вы вернитесь. Вернитесь же, господин Шико, прошу вас!

Солдат просил так убедительно, что просьба его тронула Шико. Он вынул из кармана десять пистолей.

– Ты слишком бережлив, мой друг, чтобы не понять: если я привел в такое жалкое состояние свое платье, пройдя этот путь один раз, во что оно превратится, если я пройду его снова? Придется мне ходить совершенно голым, что очень неприлично, особенно при дворе, где так много молодых и хорошеньких женщин, начиная с королевы. Пропусти же меня, мой друг, к портному. – И он положил ему на руку десять пистолей.

– Проходите скорей, господин Шико, скорей! – И солдат спрятал деньги.

Шико, выйдя на улицу, сориентировался быстро: чтобы добраться до дворца, он проехал весь город; стало быть, теперь надо идти в противоположную сторону. Ясная, безоблачная ночь не благоприятствовала его бегству. Шико с сожалением вспомнил о пасмурных ночах Франции, когда можно ходить по Парижу, не различая ничего дальше чем в четырех шагах; к тому же его подбитые железом сапоги стучали по каменистым улицам, как лошадиные подковы. Злосчастный посол не успел свернуть за угол первой улицы, как подоспел патруль. Шико остановился сам, думая, что возбудит подозрение, если будет скрываться.

– Добрый вечер, господин Шико! – Начальник патруля отдал ему честь шпагой. – Не заблудились ли вы? Если угодно, я прикажу проводить вас во дворец.

«Что за дьявольщина! Неужели все меня знают в Нераке? – подумал Шико. – Странно!»

Потом, приняв самый спокойный вид, произнес:

– Нет, господин корнет, вы ошибаетесь: я иду вовсе не во дворец.

– Напрасно! – отвечал с важностью офицер.

– Это почему, милостивый государь?

– Потому что жителям города выходить по ночам без позволения начальства и без фонаря, исключая случаи крайней необходимости, запрещено строгим указом.

– Извините, но этот указ меня не касается.

– Не касается?

– Да, я не житель этого города.

– Конечно, но вы в нем находитесь. Под словом «житель» разумеются не те, которые родились, а те, которые живут в нем... Вы не можете отрицать, что живете в Нераке, когда я вас встречаю на улице Нерака.

– Все это справедливо, но, к несчастью, я спешу и потому прошу вас – будьте снисходительны.

– Вы заблудитесь, господин Шико. Нерак – город бестолковый, попадете в какую-нибудь яму... Лучше я дам вам проводников. Позвольте же троим из моих людей проводить вас до дворца.

– Но я не иду во дворец, говорю вам.

– Куда же вы идете?

– Я не могу спать по ночам и потому прогуливаюсь. Нерак – город обольстительный: какие виды! Хотелось бы поближе узнать его.

– Вас проводят куда вам угодно, господин Шико. Эй, трое, выходи!

– Умоляю вас, милостивый государь, не лишайте мою прогулку прелести! Я люблю гулять один.

– Вас могут зарезать воры.

– У меня есть шпага.

– А, шпага при вас – я не заметил сначала. Но вас, как вооруженного, может остановить дозор.

Шико понял, что такими тонкостями ничего не выиграешь у офицера, и отвел его в сторону.

– Вы молоды и хороши собой, вы знаете, какой жестокий тиран – любовь.

– Без сомнения, господин Шико, без сомнения.

– Ну, так любовь жжет меня, молодой человек! Мне надо посетить одну даму.

– Где же она живет?

– В городе.

– Молода?

– Двадцать три года.

– Хороша?

– Как Венера.

– Поздравляю, господин Шико!

– Так вы меня пропустите?

– Это крайне необходимо?

– Крайне необходимо!

– Ну, проходите.

– Без проводников, разумеется? Вы понимаете, нельзя же ее компрометировать.

– Конечно! Проходите, господин Шико, проходите!

– Это хорошая черта в вашем характере. Но откуда вы меня знаете?

– Я видел, как вы говорили с королем.

«Вот что значит маленький городок! – сетовал Шико. – Если бы в Париже все меня так знали, не один раз пришлось бы мне вместо камзола починять свою кожу!» И он пожал руку молодому офицеру, который спросил его, в какую сторону он идет.

– К Ажанским воротам, – отвечал Шико.

– Не заблудитесь.

– Разве не по этой улице мне надо идти?

– Нет, идите направо. Желаю избежать недобрых встреч.

– Благодарю.

И Шико отправился в путь – быстрее, чем когда-либо.

Не успел он сделать и ста шагов, как встретился нос к носу с дозором. «Вот бдительно охраняемый город!» – подосадовал он про себя.

– Стой! – заревел громовым голосом полицейский чиновник.

– Но, милостивый государь, я хотел...

– А, господин Шико, это вы! Что за охота вам ходить по улицам в такой холод? – подивился полицейский чиновник.

«Решительно надо мной потешаются!» – совсем встревожился Шико. И, поклонившись, сделал движение, намереваясь идти дальше.

– Берегитесь, господин Шико! – предупредил чиновник.

– Беречься, милостивый государь?

– Берегитесь заблудиться – вы по ошибке идете к воротам.

– Я именно к воротам и хотел идти.

– В таком случае я вас задержу, господин Шико.

– Подойдите ко мне поближе, милостивый государь, чтобы солдаты не слышали, что я вам сообщу.

– Я слушаю.

Чиновник приблизился.

– Король дал мне поручение к офицеру у Ажанских ворот.

– Вот как! – изумился чиновник.

– Это вас удивляет?

– Признаюсь...

– Однако это не должно вас удивлять, если вы меня знаете.

– Я знаю вас потому, что видел во дворце вместе с королем.

Шико нетерпеливо топнул ногой.

– Этого достаточно, чтобы доказать вам, что его величество доверяет мне.

– Конечно, конечно. Я не задерживаю вас более, господин Шико.

«Вот смешно, вот забавно! – подумал Шико. – Верчусь на одном месте. Вот наконец ворота – это, должно быть, Ажанские. Через пять минут меня не будет в Нераке».

Он действительно достиг ворот – рядом прохаживался часовой с мушкетом на плече.

– Послушай, друг, – обратился к нему Шико, – не можешь ли ты приказать, чтобы отворили ворота?

– Я не приказываю, господин Шико, – отвечал часовой учтиво, – я ведь простой солдат.

– И ты меня знаешь? – Шико не скрывал раздражения.

– Имею эту честь, господин Шико. Сегодня утром я был дежурным во дворце и видел, как вы говорили с королем.

– Ну, друг мой, если уж ты меня знаешь, то знай и то, что король дал мне очень важное поручение в Ажане. Поэтому отвори, по крайней мере, ворота.

– С большим бы удовольствием, господин Шико, да у меня нет ключей.

– Где же они?

– У дежурного офицера.

Шико вздохнул.

– А где офицер?

– Он сейчас выйдет. – И солдат дернул за шнурок, проведенный к колокольчику в комнате дежурного офицера.

– Что там такое? – Офицер высунул голову в окно.

– Вот этот господин хочет, чтобы ему отворили ворота.

– Ах, господин Шико! – воскликнул офицер. – Виноват, извините, что заставляю вас ждать, – я сейчас иду.

Шико в бешенстве грыз ногти.

«Да найдется ли хоть один человек, который бы не знал меня! Этот Нерак точно фонарь, а я – зажженная в нем свечка!»

Офицер показался в дверях.

– Извините, господин Шико, – он поспешно подошел, – я спал.

– Для того и ночь, чтобы спать. Будьте так добры, милостивый государь, прикажите отворить для меня ворота. К несчастью, я не могу спать. Король... вы осведомлены, вероятно, что король меня знает?

– Как же! Я видел, как вы говорили сегодня с его величеством.

– Именно, – проворчал Шико. – Вы меня видели у короля, но не слышали, о чем мы говорили.

– Нет, господин Шико, не слышал.

– Король, говоря со мною, поручил мне ехать в Ажан по одному важному делу. Это ведь Ажанские ворота?

– Так точно.

– Они заперты?

– Как видите.

– Ну, так я прошу вас – прикажите отпереть.

– Сейчас, господин Шико. Антенас, Антенас, отойдите ворота господину Шико – скорей, скорей!

Шико вздохнул, словно пловец, вышедший из воды после пятиминутного пребывания под ней... Дверь скрипнула на петлях – дверь, ведущая Шико в рай. За этой дверью он видел все прелести свободы. Он дружески поклонился офицеру и пошел к двери со словами:

– Благодарю, прощайте!

– Прощайте, господин Шико, счастливого пути!

Шико сделал еще шаг к двери.

– Ах да! – воскликнул офицер, догоняя Шико и удерживая его за рукав. – Я и забыл спросить у вас пропуск.

– Какой пропуск?

– Вы человек военный, господин Шико, и знаете, что такое пропуск. Вы понимаете, что из такого города, как Нерак, не выходят без пропуска, особенно когда здесь живет король.

– Кем должен быть подписан этот пропуск?

– Самим королем. Итак, если сам король посылает вас, то он не забыл дать вам пропуск.

– А-а! Уж не сомневаетесь ли вы в моих словах? – стал наступать Шико с пылающими глазами.

Он предвидел окончательную неудачу, и гнев внушал ему кровавую мысль: убить офицера, часового и бежать через отворенные ворота, рискуя быть подстреленным сотней пуль.

– Я ни в чем не сомневаюсь, господин Шико, и в особенности в вещах, рассказом о которых вы сделали мне честь. Но поразмыслите: если король дал вам поручение...

– Лично, милостивый государь, лично дал!

– Тем более его величество должен знать, что вам надо проходить через ворота.

– Черт побери, думаю, должен.

– Завтра утром мне надлежит подать губернатору список выехавших.

– А кто здесь губернатор?

– Господин де Морне. Он не шутит с часовыми, господин Шико, и прикажет расстрелять меня, если я не выполню его приказа.

Шико начал уже ласкать с горькой усмешкой рукоять своей шпаги, когда, обернувшись к двери, заметил, что за ней – внешняя решетка: она остановит его, даже если он убьет офицера, часового, придверника и привратника.

«Я одурачен, – признал он про себя. – Я погиб!»

И он повернул назад.

– Не угодно ли, я прикажу вас проводить, господин Шико? – предложил офицер.

– Не стоит труда, благодарю.

Но мучения его еще не кончились. Он встретил полицейского чиновника.

– Как, господин Шико, вы уже исполнили поручение?

Немного далее корнет встретил его на углу улицы.

– Добрый вечер, господин Шико. Что же та дама?... Довольны вы Нераком, господин Шико?

Наконец, солдат, стоявший на том же месте, окончательно взбесил его:

– Вы выбрали плохого портного – он еще больше испортил вам камзол.

Шико не хотел опять идти тем же путем и прийти во дворец вовсе без одежды. Он лег перед дверью и притворился спящим. Случайно или, скорее, из жалости дверь отворилась, и Шико, пристыженный и оборванный, вошел во дворец. Его встревоженное, измученное лицо тронуло пажа, который тоже оказался на своем посту.

– Любезный господин Шико, хотите, я вам объясню эту загадку?

– Ну, говори, змееныш! – прошипел себе под нос Шико.

- Король слишком вас любит, чтобы отпустить так скоро.
 - И ты, разбойник, зная это, не предупредил меня?!
 - О, господин Шико, невозможно – государственная тайна.
 - Но за что же я тебе дал денег, злодей?
 - Государственная тайна стоит дороже десяти пистолей, согласитесь, господин Шико.
- Шико ушел к себе и с досады заснул.

LIII

Обер-егермейстер короля Наваррского

Как только король ушел, Маргарита направилась в комнаты фрейлин вместе с доктором Шираком, который жил в замке. Когда они вошли в комнату бедняжки Фоссез, та, бледная, окруженная любопытными, страдала болью в животе, и страдания ее были так мучительны, что она не могла ни отвечать, ни принимать утешений.

Фоссез еще не исполнилось двадцати одного года; она была высока, стройна, с голубыми глазами и белокурыми волосами; гибкий стан привлекал нежностью и грацией. Почти три месяца она не выходила уже из комнаты, жалуясь на недомогание, и лежала в постели.

Ширак почти насильно взял руку больной и пощупал пульс. Испуганная этими приготовлениями – лицо Ширака и ледяная холодность королевы придавали им некоторую торжественность, – Фоссез приподнялась на изголовье и пробормотала благодарность за честь, которую ей оказывает королева, ее повелительница.

Маргарита казалась еще бледнее, чем Фоссез, – страдания раненой гордости сильнее страданий болезни.

– Что вы чувствуете? – спросил Ширак после минутного наблюдения.

– Боли в животе, господин доктор, – отвечала бедная девушка. – Но это ничего, уверяю вас. Если бы только спокойствие...

– Спокойствие, сударыня? – повторила королева.

Фоссез залилась слезами.

– Не предавайтесь горести, – продолжала Маргарита. – Его величество просил меня навестить вас и поддержать ваш дух в минуты печали.

– Сколько благодеяний, ваше величество!

– Теперь я знаю вашу болезнь, – заявил Ширак.

– Знаете? – прошептала Фоссез трепеща.

– Да, мы знаем, что страдания ваши ужасны, – присовокупила Маргарита.

Страх Фоссез только увеличился. По знаку Маргариты Ширак вышел из комнаты. Фоссез едва не лишилась чувств.

– Послушайте, – обратилась к ней Маргарита, – хотя с некоторого времени вы поступаете со мной, словно нам чужая, и каждый день меня предупреждают, что вы оказываете мне дурные услуги возле моего мужа...

– Я, государыня?

– Не прерывайте меня. Хотя, наконец, вы слишком далеко зашли в своих честолюбивых планах, – но дружба, которую я питаю к вам и другим фрейлинам, заставляет меня помочь вам в несчастье.

– Государыня, клянусь вам...

– Не обманывайте меня – у меня и без того много огорчений. Не лишайте чести, во-первых, саму себя, а во-вторых, и меня – я не меньше вас забочусь о вашем добром имени, ибо вы мне принадлежите. Расскажите мне все чистосердечно, и я буду вам вместо матери.

– О ваше величество! Неужели вы верите тому, что говорят?

– Берегитесь прерывать меня, сударыня, потому что время дорого. Я вам говорю, что Ширак отгадал вашу болезнь, – вы помните его слова. Сейчас он в передней – уверяет всех, что у вас заразная болезнь, которая недавно появилась в здешних местах. Однако я, если успею, возьму вас с собой в Мас-д'Аженуа, где мы будем далеко от короля, моего мужа, и почти одни. Король, со своей стороны, отправляется на охоту, которая, по его словам, удержит его несколько дней в поле. И мы выедем из Мас-д'Аженуа, когда вам будет можно.

– Ваше величество! – Фосsez покраснела от стыда и горести. – Если вы верите всему, что говорят на мой счет, то оставьте меня лучше умереть.

– Вы дурно понимаете мое благородство, сударыня, и слишком рассчитываете на расположение короля, который просил меня не оставлять вас.

– Король!.. Король сказал?

– Вы сомневаетесь, когда я вам говорю? А я поверила бы, может быть, вашим отговоркам, если бы не видела признаков вашей болезни, если бы по вашим страданиям не угадывала приближение кризиса.

В это мгновение, как бы для того, чтобы подтвердить слова королевы, бедная Фосsez, позеленев и трепеща от болезненного приступа, упала на постель. Маргарита смотрела на нее без гнева, но и без сострадания.

– Неужели и теперь хотите вы, чтобы я верила? – тихо проговорила она наконец, когда бедная девушка оказалась в состоянии приподняться.

Лицо Фосsez выражало такую муку, глаза были залиты слезами – даже Екатерина смягчилась бы. В эту минуту будто сам Бог решил подать помощь страдальце: дверь отворилась, и появился король наваррский.

Генрих не спал в эту ночь. Проработав несколько часов с Морне и подготовив все необходимое для охоты, о которой так неожиданно возвестил Шико, он поспешил в комнаты фрейлин.

– Что, – произнес он, быстро входя, – Фосsez все еще страдает?

– Вот видите, государыня! – воскликнула девушка, несколько прибодрившаяся при виде любовника. – Видите – король ничего не говорит, и я хорошо делаю, не соглашаясь с вами!

– Государь, – прервала Маргарита, – прекратите эту унижительную борьбу, прошу вас! Вы сделали мне честь своим доверием, открыв положение Фосsez. Объясните же ей, что мне все известно и со мной не к чему скрываться.

– Дочь моя, – обратился к Фосsez король с нежностью, которой даже не пытался скрывать, – вы продолжаете не сознаваться?

– Тайна принадлежит не мне одной, – отвечало отважное дитя, – и пока я от вас самого не слышала позволения...

– У Фосsez благородное сердце, – перебил Генрих, обращаясь к жене. – Умоляю вас – простите ее! А вы, дочь моя, будьте доверчивы к вашей королеве. Благодарность я беру на себя – надеюсь вознаградить вас обеих. – И Генрих, взяв руку Маргариты, с жаром пожал ее.

В эту минуту первый припадок боли подкосил Фосsez – так нежную лилию ломает неожиданный порыв ветра. На висках и губах бедной девушки показались капли пота – предшествование кризиса. Генрих, растроганный, растерявшийся, устремился к ней с распростертыми объятиями.

– Фосsez, милая Фосsez! – шептал он, падая на колени перед ложем ее страданий.

Мрачная, Маргарита молча прислонила пылающий лоб к оконному стеклу.

Фосsez едва нашла силы поднять руки, чтобы обнять шею любовника. И вдруг она прильнула губами к его лицу, думая, что умирает, и стремясь в этом последнем поцелуе передать своему Генриху и душу и любовь. После этого она упала в беспамятстве. Генрих, бледный, без слов, припал головой к одеялу, которое так скоро могло стать саваном бедной страдальцы.

Маргарита приблизилась к этим двоим – олицетворению слившейся физической и душевной скорби.

– Встаньте, государь, и не мешайте мне исполнить обязанность, которую сами на меня возложили! – произнесла она энергично и решительно.

Генрих, казалось, боялся понять смысл ее слов и оставался на коленях. Она продолжала:

– О, не бойтесь, государь, – я сильна, когда ранена только моя гордость. Против сердца я не в состоянии была бы бороться, но, к счастью, сердце мое здесь совершенно ни при чем.

Генрих поднял голову.

– Молчите, государь, – прибавила Маргарита, простирая руку, – или я подумаю, что ваше ко мне снисхождение – один расчет. Мы с вами брат и сестра, мы понимаем друг друга.

Генрих подвел ее к Фосsez и вложил оледеневшую руку девушки в пылающую руку Маргариты.

– Ступайте, государь, ступайте! – призвала королева. – Отправляйтесь на охоту. Чем больше народу вы с собой увезете, тем меньше любопытных останется у ложа этой... несчастной.

– Но... я никого не видел там, в передней...

– Все думают, что пришла чума, – улыбаясь, отвечала Маргарита. – Спешите же искать удовольствий в других местах.

– Я иду и буду охотиться для вас обеих. – И Генрих, бросив последний нежный взгляд на бесчувственную Фосsez, выбежал из комнаты.

В передней он встряхнул головой, будто желая прогнать последнюю тень тревог, и, обретя свою обычную улыбку, направился к Шико. Тот, как мы сказали, спал крепким сном, сжав кулаки.

– Пора, пора, куманек! – тряс спящего посла король. – Уже два часа!

– А... вы называете меня кумом, государь? Уж не принимаете ли вы меня случайно за герцога Гиза?

Действительно, Генрих имел обыкновение так называть Гиза.

– Я принимаю вас за своего друга, – отвечал король.

– А между тем делаете своим пленником – меня, посла! Государь, вы не уважаете международного права.

Генрих захохотал, а Шико, как человек умный и любящий шутку, последовал его примеру.

– Ты сумасшедший. Зачем черт нес тебя отсюда? Разве тебя худо приняли?

– То-то и беда, что слишком хорошо, – отвечал Шико. – Я здесь точно гусь, которого откармливают на птичьем дворе. Все мне говорят: «Ах, господин Шико, любезный господин Шико!» Но мне подрезают крылья – передо мной запирают ворота.

– Шико, сын мой, разуверься: не так ты жирен, чтоб годиться к моему столу.

– Однако вы что-то очень веселы сегодня утром, государь! Что случилось?

– Ах, я затем и пришел к тебе, чтобы сказать об этом. Видишь ли, я еду на охоту, а перед охотой я всегда бываю очень весел. Ну, вставай же, куманек, долой с постели!

– Как, вы берете меня с собой, государь?

– Ты будешь моим историографом, Шико.

– Я должен записывать число удачных выстрелов и ударов?

– Именно.

Шико покачал головой.

– Ну, что ты качаешь головой?

– Не могу видеть подобной веселости без беспокойства.

– Ба!

– Да, после солнца...

– Что «после солнца»?

– После солнца всегда бывают дождь, молния и гром.

Генрих, улыбаясь, гладил бороду.

– Если случится буря, любезный Шико, мой плащ широк: прикроет и тебя. – И король, выйдя в переднюю, потребовал: – Коня! И сказать господину де Морне, что я готов!

– Как! Морне – обер-егермейстер этой охоты? – Шико, ворча, одевался.

– Морне здесь – всё, любезный Шико. Король наваррский слишком небогат, чтобы не экономить. У меня один человек заменяет многих.

– Да, один заменяет! И неплохо, видно, – со вздохом пробурчал Шико.

LIV

Как в Наварре охотились на волков

Шико, взглянув на приготовления к отъезду, не мог удержаться и не заметить вполголоса, что охота короля Генриха Наваррского не так парадна, как короля Генриха Французского. Не больше двенадцати – пятнадцати дворян – среди них и виконт де Тюренн – составляли всю свиту короля. Дворяне эти только казались богатыми, а на самом деле не имели таких доходов, чтобы позволить себе бесполезные, а иногда даже и необходимые издержки. Поэтому все они вместо охотничьих костюмов обрядились в шлемы и латы.

– Уж не обзавелись ли гасконские волки мушкетами и артиллерией? – тихонько осведомился по этому поводу Шико.

Генрих услышал вопрос, хотя и не прямо ему адресованный, и приблизился к Шико.

– Нет, сын мой, у гасконских волков нет ни мушкетов, ни артиллерии. Но зато есть когти и зубы: охотясь за ними, приходится иногда попасть в ров, а там легко изорвать шелковое платье, кружева и даже сукно, но не латы.

– Это, конечно, причина, – проворчал Шико, – но неубедительная.

– Что делать, – улыбнулся Генрих, – не сумел сыскать получше.

– Придется довольствоваться этой.

– Ты сердишься на меня, что я разбудил тебя, чтобы утащить с собой на охоту?

– Клянусь честью, сержусь! Я не охотник, и мне, ленивцу, надо же чем-нибудь заниматься. А вы заранее восхищаетесь при воспоминании, сколько волков достается каждому из двенадцати охотников.

– А, да! – король только посмеялся. – Прежде платье тебе не понравилось, потом – число. Потешайся, потешайся над нами, любезный Шико!

– О государь!

– Но замечь себе, что ты вовсе не снисходителен, сын мой. Беарн гораздо меньше Франции. Там король выезжает всегда с двумя сотнями, а я, как видишь, – с двенадцатью, ну с пятнадцатью. Но иногда здесь случается то, чего не бывает во Франции: дворяне, узнав, что я еду на охоту, оставляют свои замки, дома и, присоединяясь ко мне, составляют порядочную свиту.

– Вы увидите, государь, что, к несчастью, я не буду иметь чести присутствовать при подобном случае.

– Как знать! – протянул насмешливо Генрих.

Через полчаса по выезде из Нерака, когда они были уже в поле, Генрих поднес к глазам руку, всматриваясь.

– Что там? – полубопытался Шико.

– Да, я не ошибаюсь! Посмотри, любезный Шико, вон, в стороне городка Муарас, – не видишь ли ты там всадников?

Шико привстал на стременах.

– Да, это всадники, – Шико вглядывался с большим вниманием, – но не охотники.

– Не охотники?

– Нет. Эти всадники вооружены, как Роланд и Амадис.

– Э, платье ничего не доказывает, любезный Шико. Взять хоть нас – не платье делает охотником.

– Но я вижу там по крайней мере человек двести!

– Что ж из этого, сын мой? Муарас хорошо платит свою подать.

Любопытство Шико возрастало. Всадники – в еще большем числе, чем предположил Шико, их было около двухсот пятидесяти – в молчании присоединились к королевской свите.

Каждый хорошо вооружен, на доброй лошади. Командир их, человек с приятным, благородным лицом, подъехал к Генриху и почтительно поцеловал его руку.

Переправились вброд через Жерс. Между Жерсом и Гаронной к ним присоединился другой отряд, человек сто. Командир приблизился к Генриху и, казалось, приносил извинения, что не привел больше охотников. Генрих принял извинения и подал ему руку.

Скоро дошли до Гаронны и начали переправляться так же, как и через Жерс, но Гаронна гораздо глубже Жерса, и пространство в сорок – пятьдесят шагов пришлось преодолевать вплавь. Однако против ожидания все достигли другого берега благополучно.

– Боже правый! – воскликнул Шико. – Вот какими упражнениями вы занимаетесь, государь! У вас мосты и выше и ниже Ажана, а вы переправляетесь вплавь!

– Любезный Шико, мы ведь дикари, дикарям многое можно простить. Ты знаешь, покойный брат мой, Карл, называл меня своим вепрем, а вепрь – но ты ведь не охотник, ты не знаешь – никогда не посторонится, всегда идет напрямик. Раз уж меня так называли, я и подражаю ему – тоже иду напрямик. Попадется река – я через реку; город стоит передо мной – черт возьми, я ем его, как пирог.

Эта шутка Беарнца вызвала всеобщий смех. Один господин де Морне, ехавший всегда рядом с королем, не смеялся – он довольствовался улыбкой: для него это было признаком самого веселого расположения духа.

– Морне сегодня очень хорошо настроен, – заметил обрадованный Генрих на ухо Шико, – даже откликнулся на мою шутку.

Шико спрашивал себя, над кем ему больше смеяться: над повелителем, счастливым, что сумел развеселить своего слугу, или над слугой, которого так трудно развеселить? Но главным чувством Шико было удивление. По ту сторону Гаронны, примерно в полулье от реки, сотни три всадников, скрывавшихся в лесу, появились перед глазами Шико.

– Ай-ай! – сказал он вполголоса Генриху. – Не хотят ли эти господа из зависти помешать вашей охоте?

– Ты опять ошибся, сын мой, это наши истинные друзья: они из Пюимероля.

– Но, государь, у вас скоро будет больше людей, чем деревьев в лесу, где водятся волки.

– Шико, сын мой, я начинаю думать, что молва, распространившаяся о твоём приезде, собрала всех этих господ со всех четырех сторон, чтобы почтить посла французского короля.

Шико был слишком умен, чтобы не заметить, что с некоторого времени сделался предметом всеобщих шуток. Это его почти рассердило.

К вечеру прибыли в Монруа; местные дворяне, будто заранее предуведомленные о проезде короля, приготовили добрый ужин. Шико принял в нем участие с большим энтузиазмом: по дороге не сочли нужным останавливаться для такой маловажной вещи, как обед, и потому с самого отъезда из Нерака никто ничего не ел.

Для Генриха приготовили лучший дом в городе. Половина всадников расположилась на улице у этого дома, другая – за городом.

– Когда же мы приедем на место охоты? – спросил Шико у Генриха, когда тот снимал сапоги.

– Ты слишком любопытен! – отвечал Генрих.

– Совсем нет. Но надо же знать, куда едешь.

– Узнаешь завтра, а в ожидании ложись-ка спать на эти подушки – вот здесь, слева.

Посмотри направо: Морне не теряет времени – он уже спит.

– Сегодня у него сон не такой тихий, как вчера. Ух, как он храпит!

– Да, он не любит болтать попусту – надо его видеть во время охоты.

Едва стало светать, как топот лошадей разбудил Шико и короля наваррского. Старый, почтенный дворянин, пожелавший сам услужить королю, поднес ему ломоть хлеба с медом

и рюмку настойки. Слуги старого дворянина прислуживали Морне и Шико. По окончании завтрака трубач протрубил сигнал: «На коней!»

– На коней, на коней! – повторил Генрих, выходя из дому.

Шико с удивлением увидел, что еще примерно пятьсот всадников присоединились к свите короля. Эти пятьсот прибыли ночью.

– Но это уже не свита, – сказал он королю, – и не отряд – это целая армия.

Генрих произнес только:

– Погоди еще, погоди!

В Лозерте примкнули человек шестьсот пехоты.

– Пехота! – воскликнул Шико.

– Вовсе нет, – смеясь, отвечал Генрих, – это моя соколиная охота.

Шико нахмурил брови – с этой минуты он не говорил больше. Раз двадцать глаза его обращались к полю – раз двадцать мысль о побеге приходила ему в голову. Но у Шико была почетная охранная стража – вероятно, из уважения к титулу посла Франции. Страже сказали, что Шико – очень важная особа, и всякий жест его повторялся десятью всадниками. Это не нравилось ему, и он попросил Генриха избавить его от такого почета.

– Сам виноват, сын мой, – объяснил ему Генрих, – зачем хотел бежать из Нерака! Боюсь, ты и теперь то же обдумываешь.

– Государь, даю честное слово дворянина, что я даже и не пытаюсь.

– В добрый час!

– Впрочем, я чувствую, что был бы виноват.

– Чувствуешь?

– Да, потому что понимаю теперь значение вашего желания оставить меня при себе. Я увижу много любопытного.

– Очень рад, что ты со мной одних мыслей, потому что и я то же думаю.

В это мгновение они проезжали город Монкю, и четыре полевых орудия присоединились к пехоте.

– Возвращаюсь к первой догадке, государь, – прокомментировал Шико, – вероятно, волки в этой стране особенные и с ними поступают не как с обыкновенными. Неужели и артиллерия против них, государь?

– А, ты заметил ее! Это страсть жителей Монкю; с тех пор как я дал им для упражнений эти четыре орудия, купленных мной в Испании и привезенных тайно, они таскают их с собой всюду.

– И что же, – проворчал Шико, – приедем мы нынче?

– Нет; завтра приедем.

– Завтра! Утром или вечером?

– Утром.

– Так, мы идем охотиться в Кагор?

– Да, то есть – в ту сторону.

– Но как же вы, государь, имея для охоты на волков пехоту, конницу и артиллерию, забыли королевское знамя? По крайней мере, мы вполне почтили бы этих зверей.

– Его не забыли, любезный Шико, только из опасения запылить спрятали в чехол. Но если ты хочешь видеть знамя, чтобы знать, с кем идешь, – его покажут. Развернуть знамя! – тут же скомандовал король. – Господин Шико хочет посмотреть наваррский герб.

– Нет, нет, это ни к чему! – запротестовал Шико. – Пусть себе лежит в чехле.

– Впрочем, будь покоен, – утешил король, – в свое время и на своем месте ты его увидишь.

Вторую ночь провели в Катюсе, почти так же, как первую; после данного слова за Шико не следили. Он прогулялся по городу и дошел до аванпостов. Со всех сторон отряды человек

в сто – полтораста и больше подходили к армии и занимали назначенные места. Эта ночь определена была для сбора пехоты.

«Хорошо еще, что мы идем не к Парижу, – говорил себе Шико, – а то по дороге набрали бы тысяч сто».

На другой день в восемь часов утра армия, состоящая из тысячи пеших и двух тысяч конных воинов, показалась в виду Кагора. Но город приготовился к защите: жители, напуганные авангардом наваррской армии, предупредили господина де Везена.

– Ага! – признал король, которому Морне сообщил эту новость. – Нас опередили! Досадно!

– Главное, правильно вести осаду, государь, – сказал Морне. – Подождем, пока к нам присоединятся еще тысячи две, чтобы уравновесить силы.

– Соберем военный совет, – предложил де Тюренн, – и будем копать траншеи.

Шико слушал все это с испуганным видом. Задумчивая, почти жалкая мина короля наваррского подтверждала его подозрения: Генрих – плохой полководец. Только это его несколько и утешало.

Генрих выслушал все мнения, не говоря ни слова. Но вдруг, словно очнувшись от задумчивости, поднял голову и повелительным тоном заявил:

– Господа, вот что надо сделать. У нас три тысячи человек, и еще две тысячи вы ждете, господин Морне?

– Так, государь.

– Это составит пять тысяч. При правильной осаде за два месяца из них убьют тысячу или полторы. Смерть их дурно подействует на других, и нам придется снять осаду и отступить. Отступая, мы потеряем еще тысячу – половину наших сил. Пожертвуем лучше пятьюстами сейчас же и возьмем Кагор.

– Как же это осуществить, государь? – спросил Морне.

– Мы пойдем против тех кагорских ворот, которые к нам ближе. На дороге встретим ров и наполним его фашинами. В этом деле погибнет до двухсот человек, но мы достигнем ворот.

– Потом, государь?

– Достигнув ворот, мы взорвем их петардами и через проломы проникнем в город. Остальное Бог решит.

Шико, охваченный ужасом, воззрился на Генриха.

«Да, – решил он, – трус и хвастун – настоящий гасконец! Не сам ли ты и петарду-то подложишь под ворота?»

В ту же минуту Генрих, как будто подслушав размышления Шико, воскликнул:

– Не будем терять времени, господа! Куй железо, пока горячо! Вперед! Кто любит меня – за мной!¹⁰

Шико подошел к Морне, с которым ему не удавалось поговорить во время пути, и шепнул ему на ухо:

– Разве вам хочется, чтобы вас всех перебили, не исключая и короля?

– У его величества добрые латы!

– Впрочем, – прибавил Шико, – не думаю, что король проявит безрассудство и сам полезет в эту резню!

Морне пожал плечами и отвернулся от господина посла.

«Поистине, – заключил Шико, – господин де Морне мне куда симпатичнее когда спит, чем когда бодрствует. Пусть лучше храпит, чем говорит, – он так гораздо обходительнее».

¹⁰ «Кто любит меня – за мной!» – знаменитая фраза, впервые произнесенная французским королем Филиппом VI (1293–1350) и с тех пор неоднократно употреблявшаяся.

LV

Король Наваррский в первом сражении

На расстоянии двух пушечных выстрелов от крепости небольшая армия короля наваррского остановилась для завтрака. После завтрака два часа были назначены для отдыха солдат и офицеров. Около трех часов пополудни, то есть когда оставалось не более двух часов до заката солнца, Генрих приказал созвать всех офицеров в свою палатку. Он был очень бледен, руки его заметно дрожали.

– Господа, – начал он, – мы пришли взять Кагор – именно с этой целью мы пришли. Но надо взять Кагор приступом – слышите, приступом! То есть пробивая дорогу железом и своими телами.

«Недурно! – Шико внимательно слушал Генриха. – Не противоречит сказанному весь вид его – лучшего нельзя требовать и от самого де Крильона».

– Маршал Бирон, – продолжал Генрих, – поклявшийся повесить всех гугенотов до последнего, стоит отсюда в сорока пяти милях. По всей вероятности, господин де Везен послал уже к нему гонца с известием. Через пять или шесть дней он будет позади нас; с ним десять тысяч человек, и мы окажемся меж двух огней. Если мы возьмем Кагор до его прибытия, то встретим его так же, как готовится встретить нас этот город, и, надеюсь, удача будет на нашей стороне. В противном случае у него, по крайней мере, хватит католических виселиц, чтобы перевешать всех гугенотов, и мы обязаны будем доставить ему это удовольствие. Итак, на врага, господа! Я сам поведу вас.

Эта речь произвела благоприятное впечатление на окружающих: солдаты отвечали своему королю радостными криками; глаза офицеров горели воинственным огнем.

«На словах он весьма искусен, – не мог не признать Шико. – Счастье его, что говорят не руками – наверняка он заикался бы... Впрочем, посмотрим его в деле».

Маленькая наваррская армия выстроилась по команде господина де Морне, и, когда ряды ее заколыхались при команде «Вперед!», король подошел к Шико.

– Прости меня, друг Шико, я обманул тебя – охота, волки и прочие околичности. Но, видишь, король Генрих не хочет платить мне приданое сестры своей Марго, а Марго молит, Марго плачет о своем милом Кагоре. Для семейного спокойствия надо исполнять желание жены – попробую взять Кагор.

– Отчего она не попросит у вас луны, если вы такой угодливый муж? – Шико не убеждали королевские шутки.

– Для нее я готов попытаться, любезный Шико, – парировал Беарнец, – я так люблю мою милую Марго.

– О, довольно с вас и Кагора – посмотрим, как вы расплатитесь за свою смелость!

– Ах, Шико, наступает эта великая и жуткая для меня минута. Я не могу обнажить шпагу: я не храбр, и моя натура возмущается при каждом залпе из аркебуз. Шико, друг мой, не смейся над бедным Беарнцем, своим земляком и другом. Если я струшу и ты это заметишь – не говори!

– Если вы струсите?

– Да.

– Так вы боитесь струсить?

– Конечно.

– Но если такова ваша натура, то что вам за удовольствие путаться в такие дела?

– Что делать, когда нужно!

– Господин де Везен – ужасный человек!

– Я это очень хорошо знаю.

- Он не щадит никого.
- Ты так думаешь, Шико?
- О, я уверен: ему все равно – красное или белое перо на шляпе. Он все кричит: «Пали!»
- Ты это насчет моего белого султана?
- Да, государь. И так как у вас одного султан этого цвета, то...
- Ну?..
- Я советовал бы вам его снять.
- Но, мой друг, я и надел его для того, чтобы меня могли узнать, и если я его сниму...
- Что же?
- То не достигну своей цели, любезный Шико.
- Так вы, несмотря на мой совет, не снимете его?
- Не сниму!

Произнося эти слова самым решительным тоном, Генрих дрожал еще заметнее, чем когда говорил перед офицерами.

– Пока еще есть время, государь, одумайтесь! – Шико не понимал противоречия между словами короля и его состоянием. – Сейчас вам невозможно сесть на лошадь.

- Так я очень бледен, друг Шико?
- Как мертвец.
- Тем лучше!
- Как это – «тем лучше»?
- А так, что я понимаю себя.

В эту минуту раздался выстрел крепостной пушки и вслед за ним – ужасная пальба из мушкетов: это господин де Везен отвечал на предложение сдаться.

– Э-э, вот оно! Как вам эта музыка, государь?

– Она заставляет... дрожать мои мозги, – отвечал Генрих и тут же вскрикнул, резко, прерывисто: – Коня! Моего коня!

Шико смотрел, слушал: что это, что происходит перед его глазами? Генрих не сумел сразу вскочить на лошадь.

- Шико, садись и ты на коня, – ты ведь тоже больше не военный?
- Да, государь.
- Так поедem посмотреть пальбу вместе! Доброго коня господину Шико!

Шико пожал плечами и не моргнув сел на прекрасную испанскую лошадь, которую ему подвели по приказу короля. Генрих поскакал галопом; Шико последовал за ним. Оказавшись впереди своей маленькой армии, Генрих поднял забрало.

– Развернуть знамя! Новое знамя! – крикнул он дрожащим голосом.

Сняли чехол, и новое знамя, с двойным гербовым щитом Наварры и Бурбонов, величественно взметнулось в воздухе. Оно было белое, с золотыми цепями на голубом фоне с одной стороны и вышитыми золотыми лилиями – с другой.

«Вот новое знамя, – подумал Шико, – которому предстоит печальное боевое крещение».

В эту минуту, как бы в ответ на мысль Шико, раздался пушечный выстрел, и ядро, пролетев в десяти шагах от короля, уложило целый ряд пехотинцев.

– Гром и молния! – воскликнул король. – Видел ты, Шико? – Зубы его стучали.

«Ему дурно!» – испугался Шико.

– А-а, – шептал Генрих, – так ты боишься, проклятое тело, ты дрожишь, трепещешь! Погоди, погоди! Я заставлю тебя еще не так дрожать! – И он вонзил шпоры в бока своей белой лошади.

Опередив кавалерию, пехоту и артиллерию, король оказался в ста шагах от стен крепости. Алое пламя, вместе с громом извергаемое батареями, помещенными на валу, отража-

лось в его латах, как лучи заходящего солнца. Там в продолжение десяти минут он держал лошадь неподвижно, командуя:

– Фашины! Несите фашины!

Морне, с поднятым забралом, со шпагой в руке, не отставал от короля. Шико, тоже в латах и шлеме, следовал за ними, но не вынимал шпаги. За этими тремя передовыми скакали, воодушевленные примером, молодые дворяне-гугеноты с криками:

– Да здравствует Наварра!

Виконт де Тюренн ехал впереди них, с фашиной на шее лошади. Каждый подбегал и бросал фашины в ров, вырытый под подъемным мостом. В одну минуту ров был наполнен.

Артиллеристы, теряя из сорока человек до тридцати, успели подложить петарды под крепостные ворота. Картечь и пули из мушкетов огненным ураганом свистели вокруг Генриха. Минута – и уже два десятка мертвых тел лежали перед его глазами.

– Вперед, вперед! – кричал Генрих, появляясь в середине отряда артиллеристов.

Вот он достиг края рва – и первая петарда взлетела в воздух: ворота треснули в двух местах. Артиллеристы зажгли вторую петарду – и новая трещина показалась в дереве. В ту же минуту в эти три отверстия десятка два аркебуз выставили дула и осыпали пулями офицеров и солдат. Люди падали вокруг короля, как срезанные колосья.

– Государь, – умолял Шико, забывая о самом себе, – ради бога, удалитесь из этого ада!

Морне не говорил ни слова – он гордился своим воспитанником и время от времени пробовал прикрыть короля, выезжая вперед, но Генрих порывистым движением отстранял его. Внезапно он почувствовал, что пот выступает у него на лбу и туман готов застлать его глаза.

– А-а, проклятая натура! – воскликнул он. – Но никто не скажет, что ты меня победила! – Он спрыгнул с лошади и потребовал: – Секиру! Быстро! – И могучей рукой принялся рубить дула мушкетов, остатки дубовых укреплений и их медные связки.

Наконец упало одно бревно, потом половина ворот, потом рухнула часть стены. Сотни нападающих устремились в пролом с криками:

– Наварра, Наварра! Кагор наш! Да здравствует Наварра!

Шико не оставлял короля: он был с ним под сводами ворот, куда Генрих бросился в числе первых. Но при каждом залпе, Шико видел это, Генрих вздрагивал всем телом.

– Гром и молния! – кипел Генрих вне себя от ярости. – Видел ли ты когда-нибудь подобную трусость, Шико?

– Нет, государь, – честно признал Шико, – никогда я не видывал таких трусов, как вы! Это ужасно!

В это мгновение солдаты де Везена предприняли попытку отбросить Генриха и его авангард от ворот и выбить из соседних домов, где те засели. Король встретил их со шпагой в руке. Но осажденные были многочисленнее и успели оттеснить Генриха и его авангард за ров.

– Проклятье! – Король был в отчаянии. – Мое знамя отступает! Так я понесу его сам! – И, яростным усилием вырвав знамя из рук знаменосца, он поднял его в воздух и, почти запутавшись в его колеблющихся складках, первым ворвался в город. – Страшись! – издевался он над собой. – Трепещи теперь, трус!

Пули свистели и сплюсцивались на его кирасе и шлеме с резким звуком и, глухо шипя, дырявили знамя. Тюренн, Морне и множество других ворвались в пролом и устремились за королем. Теперь пушки умолкли: грудь с грудью, лицом к лицу продолжалась битва. Мощный голос де Везена перекрывал все – стук, звон оружия, пальбу мушкетов, лязг железа:

– Копайте рвы! Загораживайте улицы! Стреляйте из домов!

– Осада кончена, мой бедный Везен! – крикнул де Тюренн главе защитников города. И, будто аккомпанируя своим словам, выстрелил в де Везена из пистолета и ранил его в руку.

– Ошибаешься, Тюренн! – откликнулся де Везен. – Кагор еще выдержит двадцать штурмов! Вы сделали один – осталось девятнадцать!

Господин де Везен защищался пять дней и пять ночей, отступая шаг за шагом, из улицы в улицу. К счастью нарождающейся славы Генриха Наваррского, де Везен слишком надеялся на стены и гарнизон Кагора и не счел нужным известить маршала Бирона.

Все пять суток Генрих командовал, как простой офицер, и дрался, как рядовой солдат; все пять суток спал на камнях и просыпался с секирой в руке. Каждый день брали то улицу, то площадь, то перекресток. Каждую ночь гарнизон пробовал возратить дневную потерю.

Наконец в ночь на пятые сутки утомленный неприятель, казалось, должен был дать покой протестантской армии. Но теперь Генрих в свою очередь напал на осажденных; в эту ночь взяли последний укрепленный пост, но потеряли до семисот человек. Почти все лучшие офицеры были ранены; Тюренн получил ранение в плечо из аркебузы; Морне угодили камнем в голову и чуть не убили. Один король казался неуязвимым. Страх, который он на первых порах чувствовал и так отважно победил, сменился лихорадочным возбуждением, почти безумной смелостью. Все крепления его лат были изорваны – и собственными усилиями, и ударами врагов: он поражал противников так сильно, что не ранил, а убивал.

После взятия этого последнего поста оставался еще укрепленный дом коменданта. Генрих приблизился к нему, сопровождаемый мрачным молчаливым Шико, который эти пять дней наблюдал страшное видение – новую династию, пробужденную к жизни для гибели династии Валуа.

– О чем ты думаешь, друг Шико? – Король поднял забрало, словно намереваясь читать в душе посла.

– Государь, – пробормотал Шико с грустью, – я думаю, что вы – истинный король.

– А я, государь, – заявил Морне, – скажу, что вы безрассудны! Как! Без рукавиц, с поднятым забралом – и это когда в вас стреляют со всех сторон! Осторожно, пуля!

И правда, тут же пуля со свистом срезала перо на шлеме Генриха. Почти сразу, будто подтверждая предостережение Морне, десяток стрелков из личного отряда де Везена окружили короля. Отряд этот сидел в засаде, солдаты его стреляли верно и дружно. Они убили лошадь Генриха и прострелили ногу лошади Морне; король упал, и десяток шпаг устремился к его груди...

Тогда Шико – он один остался невредим – в мгновение ока спрыгнул на землю, бросился вперед и с такой скоростью стал вращать шпагой, что заставил отступить ближайших. Потом поднял Генриха, запутавшегося в сбруе, и подвел ему свою лошадь.

– Государь, будьте свидетелем перед королем Франции: я вынимал шпагу, но никого не коснулся ею!

Генрих привлек к себе Шико и обнял со слезами на глазах.

– Гром и молния! Ты будешь мой, Шико! Ты будешь жить и умрешь со мной, сын мой!

– Государь, я служу только моему королю! Увы, счастье ему изменяет! Но я останусь верен ему в беде, как в счастье. Позвольте мне служить ему и любить моего короля, пока он жив! Скоро я буду один у него – не отнимайте у него последнего слугу!

– Шико, я запомню ваше обещание, слышите? Вы для меня дороги и священны. После Генриха Французского ваш первый друг – Генрих Наваррский!

– Благодарю, государь, – просто отвечал Шико и почтительно поцеловал руку короля.

– Теперь вы видите, Кагор наш! Господин де Везен заставил нас перебить всех его солдат. Но я скорее подвергну гибели всех своих и погибну сам, чем отступлю!

Угрозу не пришлось осуществлять: войска под командой де Тюренна не щадили гарнизона; де Везен взяли в плен. Город сдался.

Генрих взял Шико за руку и привел в ближайший дом, изрешеченный пулями и служивший главной квартирой короля, и отдал ему письмо с поручением доставить королю

французскому. Написанное под диктовку короля господином де Морне, оно было на дурном латинском языке и заканчивалось так: «*Quod mihi dixisti, profuit multum. Cognosco meos devotos. Nosce tuos. Chicotus coetera expediet*».

В переводе это значило примерно следующее: «То, что Вы мне сообщили, послужило мне на пользу. Я знаю приверженных мне – узнавайте своих. Шико расскажет остальное».

– Теперь, друг Шико, – сказал Генрих, – обнимите меня, но остерегитесь замараться – я весь в крови, точно мясник! Я бы предложил вам что-нибудь, но вижу по вашим глазам, что вы не примете. Все же вот вам мое кольцо: я дарю вам его и более вас не удерживаю. Спешите во Францию! Вы будете иметь большой успех, рассказав, что видели.

Шико принял кольцо и уехал. Ему понадобилось целых три дня, чтобы убедить себя в том, что он видел все это не во сне и что, проснувшись, он не увидит сейчас окон своего домика, возле которого господин де Жуайез давал серенаду.

LVI

Что происходило в Париже примерно в то время, когда Шико въезжал в Нерак

Необходимость следить за нашим другом Шико до конца его посольской миссии удалила нас от Лувра. Однако несправедливо было бы забыть происшествие в Венсене и его последствия.

Король, так отважно прошедший через опасность, испытал волнение, которого не чужды самые храбрые, когда опасность уже миновала. В Лувр он приехал молчаливый и задумчивый, долее обыкновенного молился и, предавшись религиозным размышлениям, забыл поблагодарить предусмотрительных офицеров и преданных телохранителей, которые помогли ему миновать неизбежной гибели. Потом лег спать, удивив камердинеров тем, как быстро скинул платье: он будто спешил успокоиться, чтобы с большей ясностью собрать мысли на другой день.

Д'Эпернон, остававшийся в спальне короля дольше всех в надежде на благодарность, вышел от него в дурном расположении духа – надежды его были обмануты. Луаньяк, стоявший за дверями в ожидании приказаний д'Эпернона и не получив их, грубо обратился к Сорока пяти:

– Король не имеет в вас нужды, господа. Идите спать!

К двум часам всё в Лувре уснуло глубоким сном. Тайна происшествия была надежно сохранена, и никто не знал о случившемся. Добрые парижане храпели, не думая и не ожидая, что едва не стали свидетелями восшествия другой династии на французский престол.

Д'Эпернон, вместо того чтобы ездить по городу с тремя десятками всадников, как он имел обыкновение, последовал примеру своего августейшего повелителя и улегся спать, не сказав никому ни слова.

Один Луаньяк, которого даже разрушение мира не отвлекло бы от обязанностей, обошел все караулы швейцарской и французской гвардии, исполнявшие свою службу регулярно, но без особого рвения. Три небольших нарушения дисциплины были наказаны в эту ночь, как самые страшные преступления.

На следующий день Генрих – пробуждения его столько людей ждали с нетерпением, желая знать, чего ждать от короля и на что надеяться, – выпил четыре чашки бульона вместо обычных двух и приказал предупредить господ д'О и Виллекье, чтобы они явились в его опочивальню для составления нового указа по части финансов.

Королева получила позволение обедать одна, и на беспокойство ее о здоровье короля ей отвечали, что вечером его величество принимает придворных дам. Подобный же ответ дали дворянину, прибывшему от королевы-матери, – она два года назад удалилась в Суассон и оттуда ежедневно присылала осведомляться о здоровье сына.

Государственные мужи с беспокойством переглядывались: король был так рассеян, все их бесконечные вычисления не в силах были вызвать улыбки у его величества. Рассеянность королей, видимо, особенно неприятна государственным секретарям.

Зато Генрих увлеченнее обыкновенного играл с Мистером Лоу, вскрикивая каждый раз, когда животное сжимало его тонкие пальцы белыми зубами.

– Ах ты, бунтовщик! Кусаться?! Ай-ай! Негодный! Нападать на своего короля! – И, употребляя усилия, как Геркулес, сын Алкмены, для укрощения Немейского льва, Генрих укрощал это огромное чудовище (не больше кулака) и с удовольствием восклицал: – Побежден, Мистер Лоу! Побежден, бесчестный член Лиги Мистер Лоу! Побежден, побежден!

Вот все, что смогли уловить из бормотания Генриха господина д'О и Виллекье, великие дипломаты, от которых, по их убеждению, никакая человеческая тайна не ускользала.

Кроме этих воззваний к Мистеру Лоу, Генрих не произнес ни слова. Нужно было подписать что-нибудь – подписывал; выслушать – выслушивал, закрыв глаза; оставалось теряться в догадках – слушает он или спит?

Пробило три часа. Король велел позвать д'Эпернона. Ему отвечали, что герцог делает смотр легкой конницы. Он потребовал Луаньяка. Тот, как оказалось, в это время проверял приведенных из Лиможа лошадей. Все ожидали, что эта двойная неудача рассердит короля.

Ничуть не бывало: король даже начал насвистывать любимую охотничью песенку – признак полного довольства собой. Ясно было, что желание короля хранить полное молчание сменилось непреодолимой охотой говорить, и за неимением собеседника король разговаривал сам с собой. Он потребовал полдник и во время трапезы слушал чтение назидательных книг, которое прерывал вопросами вроде:

– Плутарх, кажется, описал жизнь Суллы?

Чтец, державший в руке какую-то священную книгу и прерванный таким безрассудным вопросом, обернулся к королю. Король повторил вопрос.

– Да, государь, – отвечал чтец.

– Помните вы то место, где историк рассказывает, как диктатор Сулла избежал смерти?

Чтец колебался.

– Не совсем, государь, – я давно не читал Плутарха.

В эту минуту возвестили о приходе его преосвященства кардинала де Жуайеза.

– А! – воскликнул король. – Кардинал – человек ученый. Он объяснит нам это.

– Государь, – кардинал, входя, услышал последние слова, – неужели я столь счастлив, что пришел кстати? В этом мире такое случается редко.

– По чести, так! Вы слышали мой вопрос?

– Ваше величество, вы спрашивали, кажется, как и в каком случае диктатор Сулла избежал смерти?

– Да! Можете вы мне ответить, господин кардинал?

– Ничего нет легче, государь.

– Тем лучше.

– Сулла, перебивший столько людей, государь, рисковал жизнью только в сражениях.

– Да, и в одном из этих сражений он, помнится, был близок к смерти. Возьмите Плутарха, любезный кардинал. Вот здесь он должен быть, в переводе Амио. Прочтите мне то место из жизни этого римлянина, где он благодаря быстроте своего белого коня спасся от копий врагов.

– Государь, для этого не стоит открывать Плутарха. Происшествие случилось в сражении между Телезерием-самнитом и Лампонием-луканцем.

– Вы должны знать это лучше всякого другого, любезный кардинал, – вы так образованны!

– Ваше величество, вы очень милостивы ко мне! – отвечал кардинал с поклоном.

– Теперь, – попросил король после минутного молчания, – объясните мне, почему римского льва, при всей его кровожадности, никогда не беспокоили его враги?

– Государь, я отвечу вашему величеству словами самого Плутарха.

– Отвечайте, господин де Жуайез, отвечайте.

– Карбон, заклятый враг Суллы, часто говорил: «Мне приходится сражаться одновременно со львом и лисицей, которые живут в душе Суллы. Но лисица для меня гораздо опаснее».

– А-а... – Генрих задумался. – Лисица опаснее?

– По словам Плутарха, государь.

– Плутарх прав. Кстати о сражениях: получили ли вы известия от своего брата?

– От какого? Ваше величество знает – их четверо.

– От герцога д'Арка, от моего друга, разумеется.

– Нет еще, государь, не получал.

– Если бы только герцог Анжуйский, который до сих пор искусно разыгрывал роль лисицы, сумел сыграть и роль льва! – прибавил король.

Кардинал молчал: на этот раз Плутарх не мог помочь ему. Он, как хитрый придворный, боялся доставить неприятность королю, отзываясь хорошо о герцоге Анжуйском.

Генрих, видя, что кардинал безмолвен, вернулся к своим битвам с Мистером Лоу. Потом, сделав знак кардиналу остаться, встал, сменил обычную одежду на роскошную и перешел в свой кабинет, где его ожидал весь двор.

Придворные, как горцы, одарены особым свойством – предчувствовать приближение и конец бури: никто еще не видел и не слышал короля, а между тем все были настроены сообразно с обстоятельствами.

Обе королевы были, видимо, обеспокоены. Екатерина, бледная и тоскливая, расточала поклоны и говорила отрывисто и резко. Луиза де Водемон ничего не видела и не слышала. В иные минуты молодая женщина была близка к помешательству.

Король вошел. Все заметили живость его глаз и прекрасный цвет лица – он явно пре- бывал в хорошем расположении духа, что произвело на мрачные лица придворных действие, подобное тому, какое солнечный луч производит на пожелтевшие осенние листья. В ту же минуту все покрылось позолотой и пурпуром и засияло.

Генрих поцеловал руки матери и жены с такой галантностью, будто был только еще герцогом Анжуйским; наговорил множество комплиментов дамам, которые отвыкли уже от такой благосклонности, и даже сам предложил им сушеных плодов.

– Все боялись за ваше здоровье, сын мой. – Екатерина смотрела на короля с особенным вниманием, как бы стараясь увериться, что этот цвет лица не от румян, а это настроение не притворство.

– И все ошиблись, государыня, – отвечал король, – я никогда не чувствовал себя здо- ровее.

– Какому счастливому случаю, – спросила Екатерина с плохо скрываемым беспокой- ством, – обязаны вы этим улучшением здоровья?

– Тому, что много смеялся, – отвечал король.

Придворные переглянулись с удивлением, будто король сказал какую-то нелепость.

– Много смеялись? Вы можете много смеяться? Это доказывает, что вы счастливы. – Екатерина сохраняла свою строгую мину. – А что стало поводом для такого веселья?

– Надо вам сказать, матушка, что вчера вечером я ездил в Венсенский лес.

– Я знала это.

– А, вы знали?

– Да, сын мой, все, что вас касается, занимает меня; полагаю, что этим я не сказала вам ничего нового.

– Итак, я ездил в Венсенский лес; на обратном пути мои факельщики вдруг доносят мне, что на дороге сверкают мушкеты неприятельской армии.

– Неприятельская армия на Венсенской дороге?

– Да, матушка.

– Где же именно?

– Напротив пруда монастыря якобинцев, возле дома нашей доброй кузины.

– Возле дома герцогини де Монпансье? – вскрикнула Луиза де Водемон.

– Именно, возле Бель-Эзба. Я храбро приблизился, чтобы сразиться, и увидел...

– О боже мой, продолжайте, государь! – не выдержала королева – она и вправду встревожилась.

Екатерина ждала с тоской, но ни словом, ни жестом не обнаружила нетерпения.

– Я увидел целое аббатство монахов, которые отдали мне честь оружием, бывшим у них в руках, и притом с самыми воинственными восклицаниями.

Кардинал де Жуайез захохотал. Весь двор поспешил сделать то же.

– О! – воскликнул король. – Смейтесь, смейтесь – об этом долго еще будут говорить! У меня во Франции десять тысяч монахов, и в случае нужды я сделаю из них десять тысяч мушкетеров. Тогда я выпрошу у его наихристианнейшего величества особую должность – командира постриженных мушкетеров – и отдам ее вам, господин кардинал.

– Государь, я принимаю ее. Всякая служба у вас, государь, для меня приятна.

Во время разговора короля с кардиналом дамы, соблюдая этикет того времени, встали одна за другой и, поклонившись королю, оставили кабинет. Королева со своими фрейлинами последовала за ними. Одна королева-мать осталась: в необузданной радости Генриха она увидела тайну, которую ей хотелось разгадать.

– Ах, кардинал, – обратился вдруг король к прелату, который, видя желание королевы говорить с королем, приготовился уйти, – кстати, что сделалось с братом вашим, дю Бушажем?

– Не знаю, государь.

– Как – не знаете?

– Я почти не вижу его или, лучше сказать, вовсе не вижу.

– Я здесь, государь! – раздался из глубины кабинета тихий и печальный голос.

– Э, да вот он! – обрадовался Генрих. – Подойдите сюда, граф!

Молодой человек повиновался.

– Вы ли это? – Король воззрился на него с удивлением. – Клянусь честью, всякий скажет, что это не вы, а ваша тень!

– Государь, он много занимается... – пробормотал кардинал, сам изумленный переменной, произошедшей с братом всего за неделю. Дю Бушаж был бледен, как восковая статуя; шелк и кружево платья едва скрывали его худобу и истощение.

– Подойдите, молодой человек, поближе... вот так, – позвал король. – Благодарю вас, кардинал, за цитаты из Плутарха. В подобных случаях обещаю обращаться только к вам.

Кардинал понял, что король хочет остаться наедине с дю Бушажем, и удалился. Генрих обратил свой взор на мать, которая стояла неподвижно. В кабинете оставались только Екатерина, д'Эпернон, рассыпавшийся перед ней в любезностях, и дю Бушаж. У двери стоял Луаньяк, полупридворный-полусолдат, не обращая ни на что особенного внимания. Король сел и начал беседу с приблизившимся к нему дю Бушажем:

– Граф, зачем вы скрываетесь позади дам? Разве вы не знаете, что нам всегда приятно вас видеть?

– Государь, я не умею выразить всей моей благодарности. – Молодой человек почтительно поклонился.

– Итак, любезный граф, почему вас не видно больше в Лувре? Я жаловался на вас вашему брату, кардиналу, который своей ученостью превзошел мои ожидания.

– Если вы, ваше величество, не видели меня, так это потому, что не изволили никогда взглянуть в отдаленную часть этого кабинета. Всякий день я стою там в минуту вашего выхода. Я все так же присутствую при пробуждении вашего величества и почтительно приветствую вас, когда вы возвращаетесь из совета. Я не пропустил ни одного дня и никогда не пропущу, пока буду в состоянии ходить. Эта обязанность для меня священна.

– И это тебя так печалит? – дружески пошутил Генрих.

– О! Ваше величество не может так думать!

- Нет, ты и твой брат – вы оба любите меня.
- Государь!
- И я люблю вас. Кстати, знаешь ты, что я получил от твоего бедного брата письмо из Дьеппа?
- Нет, государь, я не знал.
- Но ты не знал также, что ему очень не хотелось ехать?
- Он признался мне, что с печалью покидает Париж.
- Да, но знаешь ли, что он мне сказал? Он сказал, что есть человек, который страдал бы гораздо сильнее, и что ты умер бы, если бы тебя послали куда-нибудь из Парижа.
- Может быть, государь.
- Он мне сказал также: «Когда он не сердится, он со мной откровенен». Он сказал, что ты даже ослушался бы меня. Может ли это быть?
- Ваше величество, вы вправе подумать, что я скорее умру, чем решусь не повиноваться.
- Но если бы ты не умер с горя от приказа ехать из Парижа?
- Государь, я не знаю, что для меня страшнее – смерть или послушание. Однако, – прибавил молодой человек, наклоня свое бледное чело, чтобы скрыть замешательство, – я бы ослушался.
- Король, скрестив руки, смотрел на Жуайеза:
- А ты не помешался немножко, мой бедный граф?
- Молодой человек печально улыбнулся:
- О государь, я помешан вполне, и вы, ваше величество, напрасно смягчаете выражения.
- Так это правда, мой друг?
- Жуайез подавил вздох.
- Расскажи-ка мне.
- Молодой человек дошел до такого героизма, что улыбнулся:
- Такой великий государь, как вы, не захочет унизиться до выслушивания подобных объяснений.
- Напротив, напротив, расскажи, это развлечет меня.
- Государь, – отвечал молодой человек с гордостью, – вы ошибаетесь. Я должен сказать вашему величеству, что в моих страданиях нет ничего, что могло бы развлечь благородное сердце.
- Король взял руку молодого человека.
- Ну, ну, не сердись, дю Бушаж, ты знаешь, что и король твой испытал горести несчастной любви.
- Знаю, государь.
- Итак, я могу сочувствовать тебе.
- Со стороны короля это слишком великодушно.
- Нисколько! Выслушай: надо мной, кроме Бога, нет никого, и, когда я страдаю, мне помочь никто, кроме Бога, не в состоянии. Но ты... тебе могу помочь я...
- Государь!..
- И в заключение, – продолжал Генрих с грустью и нежностью, – ты можешь надеяться увидеть конец своего несчастья.
- Молодой человек покачал головой в знак сомнения.
- Дю Бушаж, – настаивал Генрих, – клянусь честью, ты будешь счастлив, или я перестану называться королем Франции!
- Я – счастлив? Увы, государь, это невозможно, – возразил молодой человек с невыразимо горькой улыбкой.

– Почему же?

– Потому, что мое счастье не зависит от людей.

– Дю Бушаж, – не отставал король, – брат ваш, уезжая, оставил вас мне как другу. Если вы не советуетесь насчет своих дел ни с мудростью своего отца, ни с познаниями вашего брата-кардинала, я хочу заменить вам старшего брата. Будьте же доверчивы: от всего, исключая смерть, моя власть и мое расположение к вам найдут лекарство.

– Государь, – отвечал молодой человек, падая перед королем на колени, – не смущайте меня, выражая ко мне расположение, на которое я не могу отвечать. Мое несчастье неизлечимо, потому что составляет мою единственную радость.

– Дю Бушаж, вы сумасшедший, вы убьете себя этими химерами – я говорю вам это!

– Я сам это знаю, государь, – спокойно отвечал молодой человек.

– Но, наконец, – в голосе короля послышалось некоторое нетерпение, – женитьба это, что ли?

– Государь, я хочу снискать любовь. Вы видите, что никто не может доставить мне этого счастья. Я один должен добиться ее, и добиться сам.

– К чему же отчаиваться?

– Потому, что я чувствую невозможность этого счастья.

– Испытай, дитя мое. Ты богат, молод, хорош собой. Какая женщина может противиться тройному воздействию красоты, любви и молодости? Таких женщин нет, дю Бушаж, и не может быть.

– Сколько людей благословляли бы ваше величество за чрезвычайное снисхождение и благосклонность, которые вы выказываете мне!

– Итак, ты принимаешь? Хорошо! Не говори ничего, если тебе хочется скрытничать. Я соберу сведения, прикажу сделать розыски. Ты знаешь, что я сделал для твоего брата, – то же сделаю и для тебя. Сто тысяч экю не остановят меня.

Дю Бушаж схватил руку короля и прижал ее к губам.

– Если вы, ваше величество, потребуете когда-нибудь моей крови – я пролью ее до последней капли, чтобы доказать, сколь я признателен вам за покровительство, от которого теперь отказываюсь.

Генрих III отвернулся от него с досадой и со словами:

– Решительно, эти Жуайезы упрямее даже Валуа. Вот один из них – всякий день показывает свое бледное лицо и глаза, окруженные черными кругами, и бог знает из-за чего столько мучений! Хорошо будет мой двор, если у всех будут такие унылые лица!

– О государь! Не беспокойтесь! Лихорадочный румянец скоро заиграет на моих щеках! Все, видя мою улыбку, подумают, что я счастливейший из людей!

– Да, но я-то знаю, что это не так, жалкий упрямец, и это будет меня печалить.

– Ваше величество позволит мне удалиться?

– Да, да, дитя мое, ступай и будь мужчиной.

Молодой человек поцеловал руку короля, отдал почтительный поклон королеве-матери, гордо миновал д'Эпернона, который ему не поклонился, и оставил кабинет.

Едва он переступил порог, как король крикнул:

– Заприте двери, Намбю!

Швейцарец, которому отдан был этот приказ, объявил в передних, что король более не принимает. Тогда король подошел к герцогу д'Эпернону и ударил его по плечу.

– Ла Валетт, сегодня вечером ты прикажешь раздать твоим Сорока пяти денежную награду и распустишь на целые сутки! Я хочу, чтобы они повеселились. Они спасли меня, как белая лошадь спасла Суллу.

– Спасли? – повторила Екатерина с удивлением.

– Да, матушка. Спросите у д'Эпернона!

– Я спрашиваю вас – это, я думаю, лучше.

– Если так, то выслушайте. Наша любезная кузина, сестра вашего друга господина де Гиза... О, не отпирайтесь, это ваш друг.

Екатерина улыбнулась, и улыбка эта как будто говорила: «Он не поймет никогда».

Король видел эту улыбку, он сжал губы и продолжал:

– Сестра вашего друга де Гиза приготовила мне вчера засаду.

– Засаду?

– Да, вчера меня едва не схватили и, может быть, убили бы.

– Кто же, герцог де Гиз?

– Вы не верите?

– Признаюсь, не верю.

– Д'Эпернон, друг мой, расскажи матушке все происшествие, с начала до конца. Если я буду говорить сам, а она поднимет плечи, вот как теперь, – я рассержусь, а я, клянусь честью, берегу свое здоровье.

И, обращаясь к Екатерине, прибавил:

– Прощайте, матушка. Любите де Гиза сколько вам угодно. Я уже заставил колесовать господина де Сальседа, вы помните!

– Без сомнения.

– Ну, пусть Гизы подражают вам, пусть не забывают этого. – И король, подняв плечи еще выше, чем его мать, ушел в свои комнаты, сопровождаемый Мистером Лоу, которому пришлось бежать, чтобы не отставать от своего короля.

LVII

Красное Перо и Белое Перо

Поговорив о людях, расскажем и о событиях. Было восемь часов вечера, и одинокий, печальный домик Робера Брике темным треугольником вырисовывался на сером небе, расположенном более к дождю, чем к ясной погоде.

Этот дом, всем своим видом показывающий, что душа покинула его, был достойным соседом того таинственного дома, о котором мы уже сказали несколько слов и который возвышался прямо напротив. Философы, утверждающие, что именно предметы неодушевленные видят, чувствуют и говорят особенно красноречиво, заметили бы, что эти два дома зевают, глядя друг на друга. Невдалеке раздавался страшный шум меди, смешанный с неясными голосами и визгом, – будто какие-то гномы усердно работали в своей пещере.

Шум привлек молодого человека в фиолетовом токе с красным пером и в сером плаще. Этот красивый кавалер простоял минут десять перед источником шума и медленно, задумчивый, с поникшей головой, возвратился к дому Робера Брике.

Эта малогармоничная симфония слагалась из стука кастрюль, шума меди, криков поваров и господина Фурнишона, хозяина гостиницы «Шпага гордого рыцаря», заботившегося о приготовляемых кушаньях, и визга госпожи Фурнишон, присматривающей за уборкой комнат в башенках.

Молодой человек в фиолетовом токе посматривал на огонь, вдыхал благоухание дичи, вопрошал взглядом оконные занавеси и отходил прочь; потом опять начинал все заново. Однако эта беззаботная на первый взгляд прогулка ни разу не переходила за известную границу – струйку воды, что текла поперек улицы от дома Робера Брике к таинственному дому.

Надо также сообщить, что всякий раз, как молодой человек подходил к этой границе, он видел другого, почти одних с ним лет, в черном токе с белым пером и в фиолетовом плаще.

С нахмуренным челом, с твердым взглядом, рукой придерживая шпагу, тот, казалось, говорил, подобно гиганту Адамастору: «Ты не сделаешь и шагу вперед, не встретив бури!»

Молодой человек с красным пером, первый из выведенных нами на сцену, подходил к границе, наверно, в двадцатый раз, ничего этого не замечая – так он задумался! Не может быть, чтобы он упустил из виду самого часового, ходившего по одной с ним улице. Но тот был слишком хорошо одет, чтобы принять его за вора. Да и, кроме того, молодого человека слишком занимало происходившее у «Шпаги гордого рыцаря», чтобы он мог беспокоиться о чем-нибудь другом.

Напротив, лицо часового с белым пером при каждом приближении Красного Пера делалось все грознее и мрачнее; наконец терпение Белого Пера истощилось, и он, чтобы привлечь внимание Красного Пера, толкнул его. Тот поднял голову и на лице стоявшего перед ним прочел всю неприятность впечатления, испытываемого при своем появлении.

Это очень естественно навело его на мысль, что он стесняет, и внушило желание узнать, чем именно. И в заключение он стал пристально всматриваться в домик Робера Брике. Потом взглянул на дом, стоявший напротив него. Наконец, рассмотрев тот и другой, не обращая или делая вид, что не обращает внимания на неприязненные взоры Белого Пера, он повернулся к нему спиной и вновь обратился к пылающему огню печи господина Фурнишона.

Белое Перо, довольный отступлением противника (он именно так воспринял его уход), принялся за прежнее – ходить от запада к востоку, тогда как Красное Перо шел от востока к западу. Каждый, дойдя до назначенной точки, возвращался назад и шел опять к другому по прямой линии, так что, если бы не ручеек, этот новый Рубикон, который нужно перейти, они столкнулись бы нос к носу.

Белое Перо с видимым нетерпением закрутил свой маленький ус. Красное Перо принял удивленный вид и снова взглянул на таинственный дом. Тогда Белое Перо сделал шаг вперед, чтобы перешагнуть Рубикон, но Красное Перо уже удалялся – прогулка в противоположные стороны началась снова.

В продолжение минут пяти можно было предполагать, что они встретятся лишь у антиподов, – но нет, оба с одинаковой точностью и в одно время обернулись. Как два облака, гонимых встречными ветрами, молодые люди приблизились к Рубикону и на этот раз остановились друг перед другом, решившись скорее наступить на чужую ногу, чем отступить хоть на шаг.

Более нетерпеливый, может быть, чем его противник, Белое Перо, вместо того чтобы остановиться, как прежде, на границе ручейка, перешел Рубикон и заставил отступить Красное Перо, который, не ожидая такой отваги, едва не потерял равновесия.

– Э, милостивый государь, вы сошли с ума или хотите вызвать меня на ссору оскорблением?

– Милостивый государь, я хотел дать вам понять, что вы меня стесняете! Мне даже казалось, что вы и без того заметили это.

– Нисколько, милостивый государь, я имею обыкновение не замечать того, чего мне не хочется заметить.

– Между тем есть предметы, на которые вы обратите внимание, если ими блеснуть перед вашими глазами. – И, соединяя дело со словом, молодой человек распахнул плащ и вынул шпагу, – луч луны, показавшейся в эту минуту между облаков, отразился на ней.

Красное Перо остался неподвижен.

– Можно подумать, – сказал он, пожимая плечами, – что вы в первый раз вынимаете из ножен шпагу, – так вы спешите обнажить ее против того, кто не защищается.

– Да, но будет защищаться, я надеюсь...

Красное Перо спокойно улыбнулся, что удвоило раздражение его противника.

– К чему и по какому праву вы мешаете мне гулять по этой улице?

– Хороший вопрос! Потому, что мне это не нравится.

– А, потому, что это вам не нравится?!

– Без сомнения.

– Вам никто не мешает прогуливаться! Разве вы имеете позволение от короля одному ходить по улице Бюсси?

– А вам какое до этого дело?

– Как – какое дело? Я верный подданный его величества и не хочу ослушаться его повеления.

– А, вы смеетесь!

– Может быть! Вы угрожаете мне?

– Я вам говорю, милостивый государь, что вы меня стесняете, и, если вы не удалитесь по доброй воле, я сумею удалить вас силой.

– Ого, милостивый государь, это мы еще посмотрим!

– Черт возьми! Я жду этого целый час!

– Милостивый государь, в этой части города я имею дело, касающееся меня одного. Предупреждаю вас во избежание недоразумений. Теперь, если уж таково ваше желание, я охотно скрещу с вами шпагу, но не удалюсь.

– Милостивый государь, – Белое Перо, заставляя свистеть свою шпагу, стал в позицию, – меня зовут граф Генрих дю Бушаж. Я брат герцога Жуайеза. В последний раз спрашиваю вас: хотите вы уступить место и уйти отсюда?

– Милостивый государь, – отвечал Красное Перо, – меня зовут виконт Эрнотон де Карменж. Вы меня нисколько не стесняете, и я нисколько не нахожу неприятным, если вы не уйдете отсюда.

Дю Бушаж подумал немного и вложил шпагу в ножны.

– Извините меня, сударь, я полусумасшедший от любви.

– Я тоже влюблен, – отвечал Эрнотон, – но не считаю себя сумасшедшим.

Генрих побледнел:

– Вы влюблены?

– Да.

– И вы признаетесь в этом?

– Давно ли это стало преступлением?

– Но та, в которую вы влюблены, живет на этой улице?

– На время – да!

– Ради неба, милостивый государь, скажите: в кого вы влюблены?

– Ах, господин дю Бушаж, вы не подумали, задав этот вопрос. Вы знаете очень хорошо, что дворянин не может открыть тайны, только половина которой принадлежит ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.